

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО  
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

**ШАМСУТДИНОВА ЛЮЦИЯ РАФАИЛОВНА**

**ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В ЛЕКСИКЕ**

Специальность: 5А – 120102

Лингвистика (английский язык)

**ДИССЕРТАЦИЯ**

На соискание степени магистра филологии

Работа рассмотрена и  
допускается к защите  
Зав. Кафедрой  
к.ф.н. доц. Маджидова Р.У.  
«\_\_» \_\_\_\_\_ 2013 г.

**Научный руководитель:**  
Кандидат филологических наук,  
доцент **ТухтаходжаеваЗ.Т.**  
\_\_\_\_\_  
«\_\_» \_\_\_\_\_ 2013 г.

Ташкент – 2013

## Содержание

<b>Введение</b> .....	3
<b>Глава 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ</b>	
1.1. Критический обзор исторического развития проблемы языковой экономии.....	7
1.2 Принцип языковой экономии на лексическом уровне языковой системы.....	21
1.3. Языковая экономия с когнитивной точки зрения.....	31
<b>Выводы по первой главе</b> .....	40
<b>Глава 2. РЕАЛИЗАЦИЯ «ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ» НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ</b>	
2.1. Метафора, метонимия и аллюзия как способ реализации языковой экономии в лексике.....	43
2.1.1. Аббревиатуры.....	44
2.1.2. Акронимы.....	48
2.1.3. Усечения.....	50
2.1.4. Слияния.....	52
2.2. Семантическая неоднозначность в лексике.....	56
2.2.1. Полисемия.....	57
2.2.2 Омонимия.....	63
2.3. Метафора, метонимия и аллюзия как способ реализации языковой экономии.....	67
2.3.1 Метафора.....	68
2.3.2 Метонимия.....	73
2.3.3 Аллюзия.....	76
<b>Выводы по второй главе</b> .....	81
<b>Заключение</b> .....	83
<b>Список использованной литературы</b> .....	86

## ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению принципа языковой экономии в лексике. Функционирование и развитие языка носит динамический характер. Нет ни одного языка, который бы сохранился бы в застывшей форме, его структура постоянно модифицируется и совершенствуется. Бурное развитие общества, науки и техники, литературы и искусства, изменения в повседневной жизни носителей языка вызывают появление новых реалий и соответственно их обозначений. Несмотря на это, коммуниканты во все времена стремились к бережливости, краткости, лаконичности в общении, вырабатывались экономные средства выражения мысли и наиболее оптимальные способы передачи информации. В связи с этим из речи выпадает все лишнее, опускается тот или иной звук в составе слова, слово или сочетание в предложении, не соблюдаются правила и нормы литературного произношения, но в то же время эти изменения не должны препятствовать пониманию смысла высказывания.

Принцип языковой экономии, содержащийся в основе многих языковых модификаций, признается многими лингвистами мира. Имея универсальный характер, он присущ всем языкам мира. Многие изменения, происходящие в английском языке, могут быть объяснены именно действием данного принципа.

Таким образом, **актуальность** исследования определяется в проблеме языковой экономии обусловлена рядом причин:

1. У ученых нет единого мнения относительно того, какие именно причины и предпосылки вызывают в действие принцип экономии в языке и речи
2. Данная проблема, будучи исследованной во многих языках мира не нашла еще специального научного освещения. Нет специального монографического исследования, которое

всесторонне освещало бы проявление языковой экономии на всех уровнях языка: в фонетике, лексике и грамматике.

3. Недостаточной изученностью некоторых процессов и явлений в лексическом составе языка, ведущих к уменьшению речевых усилий.

В настоящей работе предпринята попытка установление сущности и критериев проявления языковой экономии в лексике.

**Цель** настоящей диссертации состоит в том, чтобы установить сущность и критерии проявления языковой экономии речи, а также закономерности ее отражения в английском языке.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих основных задач:

1. Определение принципа экономии в лексике и его отражение в разговорном и литературном языке.
2. Установление основных особенностей языковой экономии и закономерностей их возникновения
3. Исследование экономных языковых средств на лексическом уровне языковой системы.

Объектом настоящего исследования становятся лексический состав языка, где принцип языковой экономии находит наиболее яркое представление. Именно в ней данный принцип получает наиболее полную реализацию при помощи: аббревиатур, полисемии, омонимии, метафор, метонимии и аллюзии, выступающие в качестве транслятора ментального отображения языковой картины мира, а также культурной информации. В качестве **предмета** исследования выступают изменения в лексике образованные под воздействием принципа языковой экономии.

**Методологической основой** нашего исследования послужили основополагающие научные работы зарубежных (А. Мартине, О. Есперсен, Щ. Балии, Л. Блумфилд), русских (Р.А. Будагов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.М. Пешковский, Б.А. Серебренников) и многих других

Для исследования использовались **методы** лингвистического описания представленный прежде всего такими приемами, как наблюдение, сопоставление а также **методами** концептуального анализа включающие следующие приёмы:

- дефиниционный анализ - это анализ словарных толкований;
- контекстуальный анализ, выявляющий особенности индивидуально авторской картины мира;

**Материалом** для исследования послужили словари, фразеологизмы, периодика и художественные тексты.

**Научная новизна** данной работы заключается:

1. В признании факта обширного влияния экономии речевых средств на всех уровнях системы языка.
2. В более углубленном и детальном рассмотрении ранее известных средств экономии, а также в прослеживании тенденций языкового развития в связи с влиянием принципа языковой экономии.

**Теоретическая значимость** работы состоит в том, что исследование проводится в русле таких дисциплин как: лексикология, семантика, когнитивной семантики, когнитивной лингвистики, лингвокультурология, результаты исследования могут внести определенный вклад в развитие теории лингвистики.

**Практическая значимость.** Результаты данной работы могут быть использованы:

- 1) в лекционных курсах по семантике, лексикологии, лингвистике, когнитивной лингвистике, спецкурсах по языку и мышлению, методике лингвистического анализа;
- 2) в лексикографии – при составлении концептуариев, толковых, ассоциативных и синонимических словарей;

3) в лингводидактике – при преподавании иностранного языка и написании страноведческих учебников, для ознакомления с особенностями психологии и менталитета нации, обучении межкультурной коммуникации.

**Гипотеза** научного исследования заключается в том, что принцип языковой экономии является сложным ментальным образованием, отражающих и выполняющих национально-культурно значимую роль в репрезентации индивидуально-авторской концептуальной картины мира.

**Достоверность и обоснованность выводов**, работы определяется методологической базой исследования, опирающихся на труды авторитетных ученых, и большим объемом проанализированного языкового материала.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Языковая экономия – один из главных и необходимых факторов естественного функционирования языка, в последнее время все более и более активизирующий свое влияние.
2. Принцип экономии в языке и речи носит универсальный характер, что обусловлено его проникновением во все уровни языковой системы.
3. Проявление языковой экономии в лексике.

**Апробация результатов исследования**

Диссертация обсуждалась на конференции «Замоновий тилшунослик, адабиётшунослик ва хорижий тиллар укитишнинг муаммолари» мавзусидаги II-илмий-амалий конференцияси маколалари туплами. – Т., 2012. 180с.

Основные положения и **результаты были опубликованы** в виде научной статьи: «Принцип языковой экономии на лексическом уровне языковой системы».

**Структура диссертационного исследования**

Диссертация состоит из введения, двух глав с выводами, заключения, списка использованной литературы.

## **Глава 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

### **1.1 КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ**

Изменение в языке, как отдельных единиц языка, так и всей языковой системы в целом, обуславливается рядом причин и подчиняется определенным принципам. Развитие и функционирование языка обусловлено многочисленными процессами. Одним из основополагающих процессов развития языка является принцип экономии языковых средств. Данная тенденция носит универсальный характер и затрагивает все уровни языковой системы, именно поэтому принцип языковой экономии с определенной точки зрения может рассматриваться в качестве одной из причин языковых изменений.

Тот факт, что тенденция к экономии языковых средств, является основным законом развития языка признают большинство лингвистов, приписывая ей также статус одной из главных движущих сил эволюции языка в целом.

В мировой лингвистике эту тенденцию именуют по-разному: Г.Пауль - "экономией языковых средств", Ф.де Соссюр - "законом наименьшего усилия", О. Есперсен - "теорией удобств", А. Мартине, Г. Суит и П. Пасси - "принципом экономии", а русский языковед Е. Д. Поливанов назвал ее "ленью человеческой".

Несмотря на многообразие названий, суть языковой экономии заключается в следующем: языковая экономия - это универсальная категория, присущая всем языкам мира, характеризующаяся стремлением экономить, избегать чрезмерных затрат физиологических и психологических усилий при пользовании речью и проявляющаяся на всех уровнях языковой системы.

Интерес к экономии как языковому явлению был всегда в центре внимания лингвистов. Однако ее роль в развитии и усовершенствовании языковой системы оценивается по-разному. Одни ученые признают ее главным законом развития языка (И. А. Бодуэн де Куртене, Г. Пауль, П. Пасси, А. Мартине, Е. Д. Поливанов и др.), по мнению других, экономия имеет место в языке, но не все изменения, происходящие в языковой системе, могут быть объяснены данным законом (Ф. деСоссюр, О. Эсперсен), а третьи вообще отрицают роль экономии в развитии и функционировании языка (Э. Хауген, Л. Зюттерлин, Р. А. Будагов).

Мысль о том, что языковая структура должна определяться «экономным распределением» между ее частями получила достаточно широкое распространение уже в XVII-XVIII вв. в связи с обсуждением различных проектов создания искусственных языков. В 1629 г., в частности, Рене Декарт писал аббату Мерсеню, что искусственный язык должен иметь лишь «...один способ спряжения, склонения и построения слов». Такой язык «... вообще не имел бы форм... неправильных, возникающих вследствие привычки к искажению. Изменения глаголов и форм словообразования производились бы при помощи приставок, добавляемых к началу или концу коренных слов. Эти приставки должны находиться в общем словаре. Средние люди (*les esprits vulgaires*), пользуясь этим словарем, смогут свободно овладеть подобным языком в течение шести месяцев». Идея создания искусственного языка, свободно овладеть которым смогут все за несколько месяцев, очень интересовала мыслителей XVII-XVIII вв. Эта идея оказалась настолько заманчивой («язык без слез и без мучений»), что позднее, уже в XIX в., ее частично стали распространять и на языки естественные, стремясь «упростить» их, доказать возможность аналогичных операций и над ними. При этом начали ссылаться на «природу самого языка». (*Дрезен, 1925:26*)

Начало систематического изучения проблемы языковой экономии отмечается в 80 - х годах XIX века и связывается с именами таких ученых, как И.А. Бодуэн де Куртене, П.Пасси, Г.Суит, О. Эсперсен. Однако, зачатки

учения о лингвистической экономии можно найти уже в работах философов лингвистов древности. Так, Аристотель писал, что при желании говорить сжато (т.е. экономно) следует употреблять имена вместо понятий, например, «круг» вместо «плоская поверхность, все точки которой равно отстоят от центра» (*Античные теории языка и стиля, 1936:180*).

И.А. Бодуэн де Куртене обращал внимание на явление экономии в языке и речи, отмечая, что «причиною, двигателем всех изменений языка является стремление к удобству, стремление к облегчению в трех областях языковой деятельности: В области произношения (фонации), в области слушания и восприятия (аудиции) и, наконец, в области языкового мышления (церебрации)» (*Б. де Куртене, 1963: 386*). Б. де Куртене в одной из лекций указывал: «Общие причины, общие факторы, вызывающие развитие языка и обуславливающие его строй и состав, очень справедливо называть силами. Таковы, между прочим:

1) привычка, т.е. бессознательная память;

2) стремление к удобству, выражающееся:

а) в переходе звуков и созвучий более трудных в более легкие для сбережения мускулов и нервов,

б) в стремлении к упрощению форм (действие аналогии более сильных на более слабые)

в) в переходе от конкретного к абстрактному, для облегчения отвлеченного движения мысли» (*Б. де Куртене, 1963:58*).

В его понимании язык представляет живой организм. Так, несколько позднее он писал: «Языковая жизнь является непрерывной органической работой.... А в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и к неистрачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде» (*Там же. С. 226*).

В XVII – XVIII веках в связи с обсуждением проектов создания искусственных языков достаточно широкое распространение получила мысль о том, что языковая структура должна определяться «экономным

распределением» между ее частями. Однако систематическое изучение этой проблемы началось значительно позже, в XIX столетии. Были предприняты попытки упростить естественные языки, что являлось целью сделать их более легкими для усвоения. При этом было отмечено, что данное воздействие на язык лишь ускоряет естественный процесс упрощения, происходящий в ходе его развития.

Г.Спенсер рассматривал вопрос лингвистической экономии в ее количественном понимании. Он утверждал, что в процессе развития, следуя «естественным законам эволюции» язык движется от сложного к простому. Длинные слова становятся короткими, «многословные предложения – предложениями однословными» (Спенсер, 1986:171-172). Англичане когда-то прибегали к построениям типа *we tellen*, теперь же - *we tell* «мы говорим» (окончание утрачено). Проследив историю развития английских слов, мы видим, что на каждом этапе своего развития в результате редукции окончаний в средний период и выпадение конечных согласных в безударных слогах в XV в. длинные слова превращаются в короткие, многосложные - в односложные, например: *Drincan* -> *drinken* -> *drinke*-> *drink numь*.

В утверждении Г.Спенсера прослеживается идея о том, что язык движется от более сложных к более простым способам выражения одного и того же содержания, но не упрощает свою общую структуру, так как это неизбежно означало бы его обеднение, снижение выразительных возможностей.

Г.Пауль, в свою очередь, рассматривал проблему «экономии» языка иначе. По его мнению, экономия не означает сужение ресурсов языка, устраняя излишества, она лишь обеспечивает расширение ресурсов языка. Г. Пауль отмечает: «Одна уже бесполезная перегрузка памяти служит достаточным основанием для устранения этих излишеств» (Пауль, 1960: 302). В книге «Принципы истории языка» Г.Пауль излагает свои мысли направленные на тенденцию языковой экономии в двух главах «Экономия языковых средств» и «Дифференциация значений».

В главе «Экономия языковых средств» мы находим изречения автора, в котором говорится, что «для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости»: «в языке для всех случаев вырабатывается способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания» (Пауль, 1960: 372). По его мнению, потребность и есть двигатель мысли, в чем и заключается степень использования выражения языковых средств, следует отметить, что им также было отмечено что « очень часто языковые средства используются излишне расточительно». В данной главе рассматривается интересный факт, направленный на изучение языковой бережливости на длине речевой цепи. «Количество используемых средств зависит от ситуации речевого контекста или от большего или меньшего сходства в духовном складе говорящих. При определенных условиях с помощью одного слова можно достаточно отчетливо передать мысль, для выражения которой при других условиях потребовалось бы длинное предложение» (Пауль, 1960: 372).

В другой главе «Дифференциация значений» Г.Пауль рассматривает развитие образования множества равнозначных слов, форм, типов, сочетаний. Причиной данной тенденции является сходящее с разных сторон развитие значений, а также заимствование иноязычных слов. Автор не отрицает неизбежности такого избытка в языке, что в дальнейшем приводит к недолгосрочному использованию в речи. «Языку чуждо какое бы то ни было излишество» (Пауль, 1960:301).В языке сохраняются только те единицы, которые имеют семантические отличия от других единиц. Равнозначные элементы или со временем исчезают, за исключением одного, или дифференцируют свои значения и сохраняются в языке, обогащая его выразительные возможности (Пауль, 1960: 301-303). Добавим, что оба эти процесса рассматриваются им как основные источники, проявляющие закона экономии. Экономия не означает сужение ресурсов языка. В комплексе с другими факторами – потребностями выражения – она обеспечивает

расширение ресурсов языка более экономным способом, устраняя излишества.

Исследование языковой экономии на начальном этапе проходило в основном в области фонологии, так как характерной особенностью того периода, по нашему мнению, являлся повышенный интерес к изучению в основном именно фонологического яруса языка. Следует отметить, что начало систематического изучения лингвистической экономии связано с именами П.Пасси, В.Уитнея, Г.Суита, Г.Курциуса, О.Есперсена.

Особую известность принцип «экономии» языка получил в фонетике, а позднее и в фонологии. Поль Пасси в 1890 г., имея в виду звуковую систему французского языка, заявлял: «Язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним и выделить то, что оказывается необходимым». Вслед за Суитом, Пасси называл первую тенденцию «законом наименьшего усилия», а вторую - «принципом экономии» (*Passy, 1891:228*).

П.Пасси пытался найти причину некоторых фонетических изменений в языке. Учитывая факт действия языковой экономии он обратил внимание, что в языке существует «поиск наименьшего усилия», поэтому в некоторых фонетические изменения можно объяснить именно экономией произносительных усилий. Раскрывая суть данных процессов, он обратил внимание на следующие факты:

- 1) язык постоянно стремится освободиться от лишнего;
- 2) язык постоянно стремится выделить необходимое.

Первая тенденция по мнению П.Пасси представляет собой реализацию принципа лингвистической экономии, а вторая принципом эмфазы. «Первый принцип, - замечает П.Пасси, - обычно рассматривается как тенденция к созданию легких артикуляций, называемая иногда законом наименьшего усилия. Я предпочитаю его вместе с Суитом называть принципом экономии, потому, что его действие не всегда приводит к тому, чтобы сделать усилие менее необходимым. Принцип экономии проявляет себя в языке очень активно. Он выражается в ослаблении менее нужных слогов, в ассимиляции,

сокращении долгих слогов, устранении тонких различий и т.п. Второй принцип - принцип эмфазы. Он находит выражение в таких явлениях, как аспирация согласных, вставка гласных между согласными, диссимиляция, замена менее звучных звуков более звучными и т.д.» (*Passy, 1891:227*).

В процессе изучения данной тенденции он ставит вопрос о неосознанности лингвистической экономии говорящими. Его предположения основываются на том, что «В языке тщательно сохраняется все то, что необходимо для того, чтобы быть понятым и хорошо понятым. На все остальное не обращается внимание, оно уходит из языка и предается забвению» (*Passy, 1891:227*). П.Пасси делает вывод о том, что принцип экономии это и есть стремление освободиться от лишнего.

Выявить никакого другого фундаментального закона, кроме закона экономии, который мог бы встать в один ряд, науке о языке еще не удалось. Такое предположение выдвигает В.Уитней. Проявляя свой универсальный характер, закон экономии движется вместе с языковыми ресурсами в определенном направлении. «Этот закон является еще одной манифестацией той же самой тенденции, которая заставляет людей использовать сокращение на письме, избирать кратчайший путь, вместо того, чтобы ходить вокруг да около и прочие вещи, в которых нет вреда» (*Whitney, 1897:50*).

Изменение формы слова, которые могут быть утрачены без ущерба для смысла, В.Уитней выделял лингвистическую экономию в качестве главной причины: «предрасположенность, или, по крайней мере, готовность, отсекают такие части слов, которые могут быть утрачены без ущерба для смысла и, таким образом, вырабатывают такие формы, которые будут более приспособлены для нужд пользователей, которые в большей степени будут соответствовать их привычкам и предпочтениям» (*Whitney, 1897:50*). По его мнению, именно в сокращении слов эта тенденция раскрывается наиболее ярко и полно. «Очевидно, не нужно больше ничего для объяснения постепенной редукции формы, которая происходит в единицах, составляющих каждый из языков» (*Whitney, 1897:50*).

Тенденция к экономии, будучи по сути деструктивной, является в то же время и созидательной. Благодаря данной тенденции в языке наблюдается образование простых лингвистических знаков. Если бы не эта тенденция, то сложные слова и усложненные фразы так и оставались бы неизменными. Ее влияние всегда сказывается в пользу подчинения субстанции того, что находится в подчинении значению, в пользу объединения и унификации того, что было бы в ином случае слишком «общей, пространной структурой»

Г.Суит, как и П.Пасси, сосредоточил свое внимание прежде всего на фонетических изменениях, раскрывая суть данных процессов и стараясь дать свое объяснение на те причины, по которым они происходят. С самого начала Г.Суит пользуется термином «Экономия». В отличие от П.Пасси, он проводил исследования фонетических изменений не только на английском языке, но и во многих других языках. В ходе исследования причин фонетических изменений, Г.Суит заметил, что конечные согласные в некоторых языках могут ослабляться и даже опускаться, что никак не отражается на понимании речи слушающим. Г. Суит объясняет это логической необходимостью. «Логическая тенденция может пересекаться с органическим и акустическим законами» (*Sweet, 1929:49*).

Исследуя проблему экономии в языке на фонетическом уровне, Г.Курциус уделял внимание звуковым законам. Курциус выдвинул в качестве объяснения звуковых законов теорию удобства произношения. В своей теории он фактически определил причину наблюдаемого в различных языках разрушения конца слова. По его мнению, более сильные звуки переходят в более слабые звуки, или более легко произносимые. Этот процесс Г.Курциус называл «выветривание» или «изнашивание» звуков. Суть ее заключается в том, что количество звуков, несущих информацию с течением времени становится меньше общего количества звуков, содержащихся в слове (*Curtius, 1862:72-89*). Действительно, с течением времени количество звуков, несущих информацию, уменьшается. Оно становится меньше общего количества звуков, содержащихся в слове.

Подобные звуковые изменения, по его мнению, исходят из стремления к удобству, которое может быть достигнуто путем замены неудобной артикуляции удобной.

Естественное стремление к экономии по мере развития человека и общества становится только более осознанным. Г.Курциус фактически вскрыл основную причину разрушения конца слова. «Звуки и слоги, выражающие определенные значения, оказывают более сильное сопротивление изнашиванию по сравнению со звуками и слогами, которые не выражают никакого значения» (*Curtius, 1862:96*).

Экономия речи является существенным фактором развития языка. Именно такое развитие в языке представлял себе датский лингвист О.Есперсен. Им была впервые разработана теория экономии речи. По Есперсену, речь считается экономной, когда:

1)допустимо выражение разных временных отношений при помощи одной и той же глагольной формы. В качестве примера О. Есперсен рассматривает глаголы “cut”, “set”, “put”, у которых одна и та же форма служит для выражения как настоящего, так и прошедшего времени (*Есперсен,1958:309*);

2) стремление языка к сокращению форм, в случае употребления единственного числа вместо множественного, что наиболее ярко выражается в сочетании “there is“ с последующим существительным, стоящим во множественном числе. Например: There is but we two; there is three houses(*Есперсен,1958:241-242*);

3) наблюдается случай «суппрессии». По мнению О. Есперсена, только нудные люди стремятся выразить все, но даже и они не могут этого сделать (*Есперсен,1958:360-361*);

4) при произнесении определенных звуков экономятся мускульные усилия. Рассматривая вопрос о фонетических изменениях в английском языке, О. Есперсен приходит к выводу, что эти изменения являются результатом проявления «тенденции к экономии усилий в речи», в результате

чего имеют место случаи выпадения гласных и согласных (*Есперсен, 1925:265*).

Связывая с «теорией прогресса», О. Есперсена полагал, что экономные языки достигают большей выразительности при наименьшей затрате усилий. «По-моему собственному мнению, – пишет он, – любое упрощение, любая ликвидация прежних излишних различий являются прогрессивными» (*Есперсен, 1958:239*). Тем не менее, им было отмечено, что не только тенденция к экономии лингвистических средств является единственной причиной языкового развития.

Особое внимание на проявление экономии в синтаксисе английского языка обращает Л.Блумфильд. Он указывает, что употребление слов-заместителей делает речь весьма экономной, и при этом, живой и гибкой. Касаясь фонологической системы английского языка, Л.Блумфильд пришел к выводу, что наиболее «распространенным типом изменений является ослабление согласных между гласными или другими открытыми звуками». (*Блумфилд, 1968:607*).

Несмотря на это, в своей книге «Язык» Л.Блумфильд не рассматривает языковую экономию как одну из основных причин языковых изменений, ссылаясь на невозможность объяснения этих причин (*Блумфилд, 1968:420*). На наш взгляд трудно согласиться с данным утверждением, так как установление тех причин, которые влекут за собой изменения в языке возможны и необходимы. Следует отметить, что в основе многочисленных преобразований элементов языковой системы и лежит та самая универсальная тенденция к экономии.

Существующая постоянно предсказуемая связь между длиной и частотностью употребления слов, по мнению Г.К Ципфа, тесно связана с «законом экономии усилий». Им была установлена закономерность, в которой отмечен тот факт, что зависимость длины слов полностью зависит от частотности появления в речи. Иначе говоря, существует постоянная предсказуемая связь между длиной и частотностью употребления слов.

Опираясь на данное исследование, Г.К Ципф предпринял попытки подобным же образом исследовать проблемы в области фонем. По Ципфу, редкая встречаемость сложных фонем и частота употребления простых фонем являются следствием процесса экономии произносительных усилий. Он также отметил интересный факт, что наиболее часто встречающиеся слова не несут на себе ударения. (*Zipf, 1935: 27, 77, 85*)

Стремление Г.К.Ципфа обнаружить причину фонетических изменений были подвергнуты критике со стороны А.Мартине. По его мнению, Г.К.Ципф сделал поспешные выводы, направленные на объяснение использования сложных фонем в редких случаях, в то время как простые фонемы употребляются намного чаще, относя данный процесс к экономии произносительных усилий. Однако А.Мартине, в свою очередь, не исключал возможности выбора говорящими фонем с наиболее сложной артикуляцией. (*Мартине, 1960:176*). По его мнению, «если исходить только из регулярных «фонетических законов», которым фонема обязана своим происхождением, и тех звуков, из которых она развивается в соответствии с этими законами, то во многих случаях частотность фонемы объяснить довольно трудно» (*Мартине, 1960:176*).

Закон наименьшего усилия, по-видимому, разъясняет некоторое число случаев, как, например, переход смычной в спирант, отпадение массы конечных слогов во многих языках, явления ассимиляции, монофтонгизацию дифтонгов, представляющую лишь частный случай ассимиляции и т.п. В то же время Ф. де Соссюр указывал на случаи, где происходит как раз обратное (*Соссюр, 1933:140-141*).

Следует подчеркнуть, что в XX веке исследования вопроса языковой экономии не ограничивалось только фонологией, они стали распространяться и на другие уровни языковой системы.

А. Мартине считает, что экономия усилий лежит в основе эволюции языка. «Постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия

может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений. Здесь, как и в ряде других случаев, поведение человека подчинено закону наименьшего усилия, в соответствии с которым человек растрчивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели» (*Мартине, 1963:532-533*). Именно А. Мартине указывал на то, что принцип экономии распространяется на все уровни языковой системы.

Е.Д.Поливанов, в свою очередь, выдвигает интересную точку зрения связанная с языковой экономией: «Если попытаться одним словом дать ответ относительно того, что является общим во всех этих тенденциях разнообразных «типичных» процессов, то лаконичный ответ этот – о первопричине языковых изменений – будет состоять из одного, но вполне неожиданного для нас на первый взгляд, слова – «лень». Как ни странно, но тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых явлений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: «лень человеческая», или – что тоже – стремление к «экономии трудовой энергии» (*Поливанов, 1968:81*).

Ученик и последователь И.А. Бодуэна де Куртене В.А. Богородицкий неоднократно указывал на то, что тенденция экономии в языке проявляется в опрощении сочетания слов «экономии сил в жизни простого нераспространенного предложения..., когда тот или иной член предложения опускается, если он сам собою ясен, по условиям разговора» (*Богородицкий, 1935:217-218*).

Мысли, высказанные В.А. Богородицким, в значительной мере созвучны идеям А.М. Пешковского, которые он обобщил в своей работе «Русский синтаксис в научном освещении». Основной упор А.М. Пешковский делает на экономию, имеющую место в диалогической речи. Суть его теории заключается в следующем: в процессе коммуникации собеседники почти никогда не говорят друг с другом развернутыми фразами.

Опираясь на ситуацию, они сплошь и рядом опускают не только отдельные слова, но и целые предложения, однако прекрасно понимают друг друга. На этом основании А.М. Пешковский писал, что речевая деятельность людей регулируется неким законом, помогающим экономить речевые усилия говорящих. В связи с этим он писал: «Опущение того, что дано в мысли обстановкой речи или общностью предыдущего опыта говорящих, составляет норму для языка и объясняется законом всей нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил» (*Пешковский, 1956:139*).

Отличную от других точку зрения на проблемы экономии речевых средств высказывает Г. Фрей. Он первым из лингвистов высказал мысль о том, что в практике речевой деятельности существует два вида экономии: экономия на оси речи и экономия на оси памяти. Необходимость экономии требует, чтобы на произношение и понимание слова затрачивался минимум времени. Отсюда различные сокращения, эллипсисы, усечения и т.п., которыми так богат разговорный язык. А необходимость краткости проявляется в таких явлениях, как замена цепочки слов более коротким словом, сокращение относительных придаточных предложений причастными оборотами и т.п. Эти необходимости, мало меняющиеся от языка к языку и от эпохи к эпохе, Г.Фрей называет «константами языка» (*Frei, 1929: 108*).

Не все лингвисты признавали закон лингвистической экономии. Так, Р.А.Будагов в статье «Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?» критически высказывается в адрес исследователей, признающих ведущую роль принципа экономии в языке: «Пишутся даже статьи и книги о принципах лингвистической экономии, хотя никто толком не знает, что это такое и как следует понимать слово *экономия* (или термин *экономия*?) по отношению к такому сложнейшему феномену, каким является язык» (*Будагов, 1972: 17*).

В своей работе им было предложено расчленение проблемы языковой экономии на два «вида»: «С самого начала следует расчленить проблему. В последующих строках речь будет идти не о том, насколько «экономны»

отдельные слова, словосочетания или предложения в отдельных языках, а об «экономии» как об общем понятии, на основе которого стремятся объяснять важнейшие процессы развития и функционирования языка. Различие между двумя видами «экономии» надо подчеркнуть тем сильнее, чем чаще они практически смешиваются и даже отождествляются. Говорят, например, «вот это аббревиатура такого-то слова или выражения», следовательно, язык действует по принципу «экономии». Между тем подобное заключение несостоятельно. «Сокращаясь в одних своих сферах, язык обычно «расширяется» в других своих сферах. Поэтому отмеченное заключение - результат антисистемного понимания языка». (Будагов, 1972: 17).

В своей статье Р.А Будагов ставит задачу показать, что экономию часто видят там, где ее совсем нет. На наш взгляд тот факт, что язык, сокращаясь в одних сферах, обычно расширяется в других, скорее не отрицает действия языковой экономии, а лишь указывает на необходимость учета совокупности тенденций, происходящих в языке и определяющих его развитие.

Таким образом, экономия – это лингвистический закон, проявляющий свою универсальную роль на всех уровнях языковой системы. Следует отметить, что принцип экономии признан ведущими лингвистами как одна из движущих сил в развитии и обогащении языка. Систематическое изучение данной проблемы началась в XIX веке, но и в настоящее время ее актуальность не исчерпана, поскольку динамика развития языка в сторону языковой экономии еще недостаточно изучена.

## 1.2 ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Язык как саморегулирующаяся система стремится к устранению избыточности. Он движется от более сложных способов выражения одной и той же информации к более простым, не утрачивая при этом свою структуру, и располагает для этого целым арсеналом средств. «Язык — естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система облеченных в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации.» (*Арутюнова, 1997:35*). В свою очередь А. Мартине подчеркивает, что «именно коммуникация, т.е. всеобщее взаимопонимание, представляет собой главную функцию того орудия, которое называется языком». (*Мартине, 1963:371*).

Вполне справедлив тот факт, что в последнее время характерной чертой современного состояния языковой системы принято считать языковую экономию, поскольку она, как процесс, носит универсальный характер и находит свое отражение во всех языках и на всех уровнях языковой системы.

Понимание языка как системы представляет собой не простой набор разнородных элементов, а своеобразное единство взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих частей. Современные лингвистические исследования основываются на том, что его отдельные элементы должны рассматриваться в их отношении друг к другу и к тому целому, в состав которого они входят.

Системное изучение языка исходит из обязательной взаимосвязи и взаимообусловленности различных его компонентов. Эту точку зрения на свойства системного лингвистического анализа высказывает В. Матезиус: «Лингвистический анализ, основанный на системных принципах, должен быть в конечном итоге направлен на установление взаимных причинных

связей между сосуществующими явлениями данного языка» (*Матезиус, 1967:227*). Подчеркивая преимущества системного изучения языка, В.В. Виноградов высказывает мнение, что «системное описание экономнее несистемного» (*Виноградов, 1969:258*).

По существу, системное описание различных аспектов языка является единственно возможной формой его изучения, так как «...никакой элемент системы языка не может быть надлежащим образом оценен, если не принимаются во внимание его отношения с другими элементами той же самой системы» (*Vallins, 1976:54*). Организация языка как системы предполагает сбалансированность его частей. Когда мы говорим о языковой системе, мы должны помнить, что она представляет собой динамическое, сложное образование, состоящее из нескольких подсистем, коррелирующих между собой. «Система языка рассматривается как незамкнутая система, постоянно взаимодействующая со средой и приспособляющаяся к условиям своего существования, а потому - подвижная» (*Общее языкознание, 1972:52*).

Следовательно, уровни языка — это подсистемы общей языковой системы, каждая из которых обладает набором единиц и правил функционирования. Каждый из уровней языковой системы характеризуется своими, качественно отличными единицами, имеющими разное назначение, строение, сочетаемость и место в системе. В большинстве языков мира лингвистическими единицами разных уровней языка принято считать фонемы, морфемы, слова, словосочетания и предложения. В соответствии с этими лингвистическими единицами выделяют следующие основные уровни языковой системы:

- фонемный (или фонологический),
- морфемный (или морфологический),
- лексический (или лексико-семантический)
- синтаксический

Уровни языка не являются изолированными друг от друга, напротив, они тесно связаны между собой и определяют устройство языковой системы. Многоярусность системы языка способствует экономии языковых средств при выражении различных понятий.

Кроме того, принимая во внимание участие единиц одного уровня в построении единиц другого уровня, можно выделить ряд промежуточных уровней:

1) морфонологический уровень, на котором рассматриваются морфемы с точки зрения их фонемного состава;

2) лексико-морфологический уровень, где подвергаются анализу слова с точки зрения их морфемного состава (отдельные частные сферы этого уровня предоставляют словообразование и формообразование);

3) конструктивно-синтаксический уровень, на котором рассматриваются предложения с точки зрения их формально-грамматического состава.

Таким образом, статус структурных уровней языка можно признать только за областями, образуемыми следующими единицами: фонема – морфема - слово - предложение - текст. Поясним этот итог. Текст есть предложение или группа предложений; предложение состоит из слов: слово есть минимум одна морфема, которая, в свою очередь, либо делится на фонемы, либо состоит из одной фонемы.

Трактовка понятия «уровень», которую дает Б.А. Серебренников, созвучна вышеприведенным дефинициям. Он говорит, что «уровнями, или ярусами языка, составляющими его структуру, называются последовательно усложняющиеся системы линейных единиц, в которых единица высшего уровня состоит из единиц предшествующего уровня. Иначе говоря, уровни - это системы единиц разной сложности, находящиеся между собой в отношениях иерархии, которая предполагает возможность получения единиц одной системы путем интеграции единиц другой системы» (*Общее языкознание, 1972:97*). Как заметил Э. Бенвенист, единица каждого данного

уровня выступает в качестве знака по отношению к смежному, более высокому уровню (*Benveniste, 1966:126*). Как было указано выше, языковая экономия находит свое выражение на всех уровнях языковой системы.

На фонетическом уровне языковой системы языковая экономия представлена редукцией, элизией, аккомодацией, ассимиляцией, то есть теми фонетическими явлениями, которые отвечают требованиям закона наименьшего усилия. Данный закон проявляется в желании говорящих уменьшить произносительные усилия, укоротить артикуляцию, которые, в свою очередь, преобразовывают звуки языка. Так, П. Пасси был первым из французских фонетистов, кто первоначально сформулировал принцип лингвистической экономии применительно к изменениям в фонологической системе языка. Он высказал мысль о том, что язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним, и выделить то, что является необходимым. Не признавая принцип экономии определяющим в развитии языка, он, тем не менее, отмечал его активность в виде существующего в языке «поиска наименьшего усилия» (*Passy, 1891:78*).

Одним из труднейших в языкознании, по мнению Ф. де Соссюра, является вопрос «выяснения причин фонетических изменений», поскольку из всех ярусов языковой системы именно фонетическая структура языка оказывается наиболее консервативной и наименее подверженной изменениям. По представлению ряда лингвистов, все изменения, происходящие на фонологическом уровне языка, обусловлены законом наименьшего усилия, вследствие которого будто бы две артикуляции заменяются одной, трудная артикуляция - более легкой (*Соссюр, 1933:149*).

Для морфологического или грамматического уровня характерно использованием особых морфем при создании усеченных разговорных форм слов и высказываний. Языковая экономия представлена неполными предложениями. Типичными для разговорной речи являются такие структуры предложений, план выражения которых не полностью совпадает с планом содержания. Элиминируются те элементы, которые ясны из

контекста, ситуации, общего опыта общения, самой структуры предложения. Опускание таких элементов не сказывается отрицательно на восприятии информации, так как их семантическая сторона остается емкой. В исследовании делается попытка классификации неполных предложений по наличию формального состава, по принципу их применения. В морфологии языковая экономия находит отражение в опущении тех или иных аффиксов, употреблении более кратких, лаконичных морфологических показателей.

Многозначность грамматических форм может передавать информацию второго рода, аналогично тому, как это происходит при одновременной реализации разных значений одного полисемантического слова. «Родительный падеж (*of-phrase*) может, как известно, передавать отношения принадлежности, объектное отношение к определяемому, отношение целого к части и некоторые другие. Название детективного рассказа "*The Murder of My Aunt*" можно понимать двояко, и действительно, в конце рассказа тётюшка оказывается не жертвой, а убийцей» (Арнольд, 1990:144).

На синтаксическом уровне предусматривает сжатие знаковой структуры путем эллипсиса, грамматической неполноты, бессоюзия. Сюда также можно отнести опрощение, членение, парцелляция, присоединение и другие процессы, способствующие уменьшению размера высказывания. Языковая экономия на синтаксическом уровне включает в себя качественно разнородные явления и процессы, ведущие в своем конечном результате к сжатию, компрессии текста. Наиболее частотными из этих средств языковой экономии являются эллипсис и субституция. Например:

“*When were you last here?*”

“*Yesterday afternoon*”.

Здесь эллиптическая форма реагирующей реплики прямо отвечает коммуникативной интенции вопроса, ожиданию спрашивающего и однозначно обозначает в искомом ответе рему коммуникативной перспективы. Повторная номинация эллиптических компонентов

предшествующего вопроса, не наделенных рематической функцией, просто затруднила бы однозначное выделение ремы (*Михайлов, 1986:22*).

На решающую роль контекста и ситуации в определении эллипсиса ссылаются многие лингвисты и, в частности, Ш. Балли, который рассматривает его как «повторение или антиципацию элемента, который необходимо присутствует или подсказывается ситуацией»: «Мы склонны понимать эллипс скорее как «подразумевание» анафорических элементов, которые «Репрезентируют» контекст, или же дейктических элементов, которые «презентируют» ситуацию» (*Балли, 1961:175; 1955:227*).

Роль контекста и ситуации в образовании и правильном истолковании эллипсиса подчеркивает В.Г. Адмони: «В некоторых случаях контекст и ситуация могут «разгрузить» предложение, позволяя обойтись без непосредственного включения в него соответствующей сочетающейся формы, поскольку обязательная проекция на нее именно как некую форму уже содержится в той или иной из введенных в предложение форм, а свое реальное смысловое наполнение эта проецируемая форма получает из ситуации или контекста» (*Адмони, 1964:25-26*).

На лексико-семантическом уровне языковой системы языковая экономия реализуется, прежде всего, благодаря полисемии и аббревиации.

Способность слова иметь несколько значений считается одной из языковых универсалий. Полисемия играет большую роль не только в обогащении лексического состава языка, но и является одним из наиболее экономных его пополнений. По мнению Никитиной М.В, естественные языки не могут не развивать многозначности своих единиц, так как при их ограниченном числе это позволяет выражать гораздо большее число значений, достигая языковой экономии. Полисемия есть конститутивное свойство естественных языков (*Никитин, 1997:203*).

Существование самого принципа экономии языковых средств возникает из-за несоответствия объема памяти человека количеству осваиваемой информации. Г. Уоррелл (H. Warrel) в своей книге «Science of

Human Behavior» (Warrel, 1962) приводит такие данные: 500 самых употребительных слов английского языка передают более 10 000 значений, причем, чем употребительнее слово, тем более развита система его производных значений. По другим подсчетам, на одно английское слово в среднем приходится до 25 значений. В речевом акте в высказываниях используется одно из этих значений. Выбор нужного подсказывается окружением слова в конкретном речевом акте, иначе говоря, полисемия нейтрализуется контекстом (Елисеева, 1989:89).

Лексическая полисемия ставит перед исследователями несколько серьезных теоретических и практических проблем. По словам В.В. Виноградова, «эти трудности дают себя знать в типичных для толковых словарей непрерывных смещениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений слова, в постоянных разногласиях или разноречиях по вопросу о количестве значений слова и правильности их определения» (Виноградов, 197:169).

Выступая против принципа "одно слово — одно значение, одно значение — одно слово", подчеркивается тот факт, что, обозначая каждое новое понятие отдельным словом, можно привести к чрезмерному увеличению словарного состава языка. Поэтому носители языка, перенося значения в результате сходства, смежности между предметами и явлениями (метафора, метонимия) не только удовлетворяют потребности в наименовании новых реалий путем переосмысления, но и получают возможность избегать количественного увеличения единиц языка.

П.Дин разработал свою собственную теорию полисемии. По его мнению, существуют, по крайней мере, три ключевых момента, на которые необходимо обращать внимание при рассмотрении вопроса полисемии:

- 1) выбор смысла (sense selection);
- 2) семантическая связанность (semantic relatedness);
- 3) категориальная принадлежность (category identity).

Проблема выбора адекватного значения (смысла) неотъемлема от рассмотрения лексической многозначности - этот выбор осуществляется в результате анализа фиксированного набора конвенциональных значений с учетом контекста. При этом, как указывает П. Дин, многие виды полисемии

попросту не могли бы быть реализованы без посредственной помощи экстралингвистического и лингвистического контекстов (*Dean, 1988:342*).

При выполнении операции выбора не только отбирается адекватное значение из числа уже существующих, но также может создаваться новое значение, привязанное к контексту, на что также неоднократно указывал в своих работах Дж. Нанберг (*Nunberg, 1978: 198*).

Еще одной важной темой в рамках теории полисемии является исследование ее организации в ментальном лексиконе, которая в течении последних двадцати лет занимает умы ученых. В рамках теоретической лингвистики получила развитие концепция лексикализма, в соответствии с которой в лексиконе должна присутствовать вся информация, касающаяся действительного, возможного и вероятного поведения слов (*Johnson, 1987:319*). Возникла необходимость создания некой формальной системы для выражения лексической информации.

Предметом особенно пристального внимания стал способ представления и хранения полисемантических лексических единиц в ментальном лексиконе. Некоторые ученые полагают, что слово присутствует в сознании во всей системе значений, узуальных и потенциальных, готовых при необходимости всплыть на поверхность. Подобная лексоцентричная точка зрения была высказана в свое время академиком Виноградовым (*Виноградов,1972:17*) находят свою поддержку ведущими когнитологами, занимающимися исследованием многозначности (*Лещёва, 1996:183*).

Аббревиатуры, создаваясь на основе существующей номинативной единицы, позволяет в более сжатом и компактном виде передать громоздкие наименования, представляющие собой, развернутые словосочетания, многосложные слова, неудобные для регулярного применения. Сохраняя

значение исходного слова или словосочетания, они остаются в стилистическом плане тождественными, в семантическом плане такими же емкими, как и первичные наименования. Сжатию обычно подвержены те слова, которые характеризуются частотностью употребления. Целью создания таких образований выступает экономия места в письме и экономия речевых усилий и времени в речи. В.Уитней утверждал, что именно тенденция к экономии является главной и единственной причиной сокращения слов. По его мнению, закон экономии является основополагающим, фундаментальным в науке о языке; он действует в направлении совершенствования имеющихся и выработки новых языковых форм, которые были бы максимально приспособлены для нужд пользователей (*Whitney, 1897:215*).

Аббревиация выступает, как один из способов компрессивного словообразования, включающий в себя разного рода сокращения, при которых происходит формальное сжатие исходной номинативной единицы. О важности и месте словообразования путем аббревиации в свое время писал О. Есперсен: “Сокращения...нигде не являются столь многочисленными как в современном английском языке. Они в действительности представляют одну из наиболее характерных черт развития английского языка на данном этапе”(*Jespersen, 1946:550-551*).

Как и все производные слова, аббревиатуры характеризуются двойной референцией - референцией к миру действительности, типичной для классов слов вообще, и референцией к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации. В этом состоит основное отличие аббревиатур от простых, непроданных, немотивированных слов, которые референтны только по отношению к миру вещей (*Кубрякова,1981:9-10*). Например: *doctor - doc, advertisement - ad, television - telly/TV, refrigerator - fridge* и т.д.

Как было указано выше развитие языка совершается постоянно и осуществляется на всех уровнях:

- подвергается различным изменениям звуковая система;

- меняется морфемный состав слова;
- претерпевают семантические изменения слова и словосочетания;
- меняется структура предложения.

Наиболее заметные и ощутимые трансформации на наш взгляд происходят в словарном составе языка, то есть в лексике, которая в любой период своего развития представляет собой конгломерат процессов, различных по своему характеру и особенностям. Лексический состав языка, как известно, та часть языка, которая отражает все происходящее в жизни говорящего на данном языке коллектива события экономического, политического, культурного и социально - бытового характера. Человеческому мышлению и, соответственно, языку, свойственно стремление к экономии усилий и ресурсов, суммированию и обобщению отражаемых событий.

### 1.3 ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Тенденция к экономии языковых средств обусловлена потребностями человеческого мышления и общения. Принцип языковой экономии отражается в умении экономно выражать многообразие объективного мира. Уже издавна философия, логика, физиология, психология занимались закономерностями человеческого мышления и интеллекта, что в свою очередь доказывает, зарождение когнитивизма уже в античные времена. Когнитивизм - это наука о знании и познании. Объектом, которого является изучение человеческого разума и мышления, восприятия мира в процессе его (человеческой) деятельности. По мнению В.Масловой когнитивная наука стала рассматриваться как наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами в человеческом мозгу. Когнитивную лингвистику следует рассматривать как одну из основных компонентов в когнитивной науке. (Маслова, 2008:56 )

Зарождение когнитивного подхода в языкознании обычно связывают с выходом в свет знаменитой книги Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лэрда «Язык и восприятие». Окончательное становление когнитивной лингвистики как особого научного течения принято считать 1989 год. Весной в Дейсбурге состоялся Международный лингвистический симпозиум, на котором было запланировано создание Международной ассоциации когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика – это «направление в центре внимания, которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент - система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформации информации» (Демьянков, 1994:21).

Категория знания является главным в когнитивной лингвистике, так как основным средством хранения, переработки и передачи знания является язык.

Выявление роли языка как основным орудием познания привлекает внимание многих лингвистов. Н. Хомский - неоднократно высказывал мысль о том, что задача лингвистики состоит в изучении когнитивных способностей человека. «Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы» (Скребцова, 2000: 3).

Язык является основной формой, в которой отражены наши знания о мире, а также основным средством хранения, переработки и передачи знаний. Именно язык обеспечивает функционирование нашего интеллекта, что в свою очередь следует согласиться с В. Гумбольдтом. Он считал, что язык главнейшая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и познания.

Исходя из взаимоотношений языка и мышления, основной целью когнитивной лингвистики является исследование «ментальных процессов, происходящих при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также видов и форм их ментальных репрезентаций» (Попова, Стернин, 2001:12) и того, как «посредством достижения языка проникнуть в формы разных структур знаний и описать существующие между ними и языком зависимости» (Болдырев Н.Н. 2004: 23).

Когнитивная лингвистика по мнению В.З. Демьянкова, «концентрирует свой интерес на ментальных основах понимания и продуцирования речи с точки зрения репрезентации и участия в переработке информации», «в центре внимания которой находится язык как когнитивный механизм» (Демьянков, 1994:239,304). Следовательно, центральной проблемой когнитивной лингвистики принято считать построение модели языковой коммуникации как основным источником обмена знаниями, построенной на принципе языковой экономии. Так как, коммуникация, по мнению Кобозевой «это сознательная, намеренная передача информации. И в акте языковой коммуникации некая идеальная сущность – информация – переходит от

одного человека к другому не непосредственно, а опосредовано, с помощью материальных сущностей – языковых выражений, представляющих собой определенным образом организованные последовательности звуков или начертаний. Это и означает, что языковые выражения функционируют в процессе коммуникации как знаки» (Кобозева, 2008: 32).

Следует отметить, что как и любой другой знак, языковой знак – двусторонен, так как это «материально-идеальная единица». По мнению Ф. де Соссюра, материальная сторона знака называется означающим, а идеальная – означаемым, где существует устойчивая связь между означающим и означаемым. Знаки естественного языка сложны по строению и, поэтому, разложимость на более мелкие элементы или членение – это одно из важных свойств языкового знака. Если бы язык состоял только из неразложимых и нерасчлененных знаков, то человеку понадобилась бы фантастическая память, так как объем информации, подлежащей передаче, бесконечен. Следовательно, «членение языка, разложимость языковых выражений на более мелкие элементы, оправдано принципом экономии» (Кобозева, 2008: 33), что является следствием этого принципа:

- оно мотивируется экономией памяти;
- оно мотивируется экономией усилий по производству высказываний;

Тенденция к экономии порождает «ритуализацию» мышления человека и его языкового поведения. Потребность в экономном использовании языковых средств для выражения мысли находит свое отражение в речи. Так Г.Пауль в главе «экономия языковых средств» отмечает, что в языке для всех случаев вырабатывается способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания (Пауль, 1960: 302).

Когнитивная лингвистика, по мнению Е.С. Кубряковой, исследует не только язык, но и когницию (познание, мышление, знание): на базисном уровне категоризации «...в качестве категорий выступают не

фундаментальные и самые «высокие» в иерархии объединения, но объединения, в которых сконцентрированы максимально релевантные для объединенного сознания свойства» (*Кубрякова, Словарь, 1997:14*). Следовательно, когнитивные категории, ориентируясь на сведения о базовых ментальных представлениях человека, рассматриваются через языковые структуры: «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» (*Кубрякова, 1997: 21*).

Как было уже указано выше, именно язык обеспечивает доступ к сознанию и мыслительным процессам человека. «В центре лингвистических исследований на рубеже веков оказались процессы получения, обработки, хранения информации.....получая новую информацию, человек соотносит ее с уже имеющейся в его сознании, порождая при этом новые смыслы» (*В.Маслова, 2004:9*).

К числу наиболее известных когнитивных категорий, заимствованных из теории представления знаний, относятся понятия фрейма и сценария. Согласно М. Минскому, под фреймом понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации. Фрейм является декларативным способом представления знаний, формулируемым в терминах описаний (дескрипций). В отличие от фрейма, сценарий – процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма или инструкции (*Минский М. 1979: 152*).

Важнейшей стороной в когнитивной лингвистике относится направление, которое приходится на исследование семантики, значение языковых форм и выражений. Так как значение определяется как когнитивный феномен, охватывающий всю структуру сознания. Теоретическая концепция когнитивного подхода к семантике может быть представлена в виде постулатов, сформулированных А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским:

1. Постулат о примате когнитивного.

2. Постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания.
3. Постулат о тенденции к экономии усилий.
4. Постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке.
5. Постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения.
6. Постулат о множественности семантического описания.
7. Постулат о значимости нестандартных употреблений.

Нами было изучено и проанализировано семь постулатов, где три из них выявляют принцип языковой экономии с когнитивной точки зрения.

- **Постулат о тенденции к экономии усилий.**

Принцип экономии применительно к функционированию языковой системы определяет взаимодействие между языковыми и когнитивными структурами. Привлечение принципа экономии позволяет выявить причины существования таких областей лексической системы, как фразеология. «С когнитивной точки зрения фиксация словосочетаний-фразеологизмов в словаре оказывается более экономной, чем порождение этих словосочетаний по уникальным (нерегулярным) правилам» (Баранов, Добровольский 1996:16). С точки зрения языковой теории связанная с принципом экономии проблема распределения лингвистической информации между словарем и грамматикой имеет непосредственное отношение к реальным ограничениям памяти человека и его возможности оперирования знаниями. Именно поэтому фиксация в словаре единиц типа *пятое колесо в телеге* как четырех отдельных слов со специфическими значениями, реализующимися только в данной идиоме и нигде более, не просто неэкономно с точки зрения описательных задач, но и вряд ли оптимально с точки зрения функционирования когнитивной системы человека.

Таким образом, выделение особой фразеологической системы в традиционных описаниях имеет вполне понятные причины: оказывается более экономным хранить эти выражения как единые сущности, как единицы лексикона, не порождая их каждый раз заново в процессе коммуникации. Эту мысль можно увидеть у Ш.Балли, отмечавшего, что специальное и произвольное правило требует большего усилия, чем общее и рациональное правило. (Балли, 1955:256) Отсюда следует, что класс фразеологизмов в целом выделяется именно по признаку нерегулярности. Идиомы среди всего множества фразеологизмов наименее регулярны и в силу этого занимают среди множества фразеологизмов центральное место. Тем самым идиомы могут быть определены как сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости. При таком определении становится очевидным, что четкая граница между идиомами и фразеологизмами других классов (коллокациями, грамматическими фразеологизмами и пр.) отсутствует, поскольку и другие группы фразеологизмов обязательно обладают устойчивостью и им может быть свойственна определенная идиоматичность (как в смысле непрозрачности, так и в смысле переинтерпретации).

Так, фразеологические сочетания *грецкий орех* и *перочинный нож* непрозрачны и устойчивы, аналогично можно сказать, что коллокации типа *одержать победу* устойчивы и непрозрачны по компоненту *одержать*. С другой стороны, коллокации *принимать во внимание*, *дать знать*, *не давать в обиду* содержат переинтерпретированные элементы. Тем не менее интуитивно эти выражения не хотелось бы относить к идиомам: они более регулярны, чем это соответствует «идеальному» представлению об идиоме.

Например, смысл фразеологизма *в штыки* может быть передан выражением *принимать с крайней враждебностью*; *гнуть спину* можно заменить выражением *изнурять себя тяжелым, непосильным трудом* + неодобрительное отношение.

Следовательно, хранение устойчивых выражений как единиц лексикона оказывается более экономным, но для репрезентации этих ментальных образований, хранящихся в памяти людей, необходимы средства, которые являются необходимым условием способности человека к пониманию этих тесно связанных между собой слов. К этим средствам мы можем отнести фреймы, которые являются «средствами организации опыта и инструментом познания» (Филлмор, 1988:60).

Фреймы и прототипы относятся к числу наиболее известных категорий, заимствованных из теории представления знаний. Фреймы и прототипы фактически представляют собой один из способов экономии усилий, поскольку являются «идеализированными когнитивными моделями» и сводят практически любую уникальную ситуацию к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека. «Тенденция к экономии сплошь и рядом порождает "ритуализацию" мышления человека и его языкового поведения. Усилия экономятся лишь там, где проблемная область четко структурирована, а поведение регламентировано». (Баранов, Добровольский 1996:16)

- **Постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке.**

Когнитивные структуры не обязательно привязаны к определенному языковому знаку. Одна и та же когнитивная структура может выражаться с помощью различных значений одного и того же слова (полисемия) или значений разных слов (синонимия). Она также может объединять несколько слов (источник формирования фразеологических единиц) или выражаться грамматическими значениями нескольких значений одного слова. «Разные значения одного слова могут оказаться результатом модификаций единой когнитивной структуры» (Баранов, Добровольский 1996:16).

В настоящее время в рамках когнитивной науки интерес к явлению полисемии вызван тем фактом, что именно полисемия даёт наиболее полный

и объективный материал для решения проблем формирования концептов и механизмов функционирования когнитивной системы человека в целом.

Так, различные значения слов *государство* и *страна* сводимы соответственно к когнитивным структурам ВЛАСТИ и ПРОСТРАНСТВА. Тем самым существование у слова различных значений в когнитивной семантике не отвергается, эти значения представляются на когнитивном уровне как "поверхностные" реализации одной концептуальной структуры. Именно поэтому можно обнаружить довольно много контекстов, в которых их взаимозамена нежелательна или просто невозможна, ср. *уехать в другую страну* и *уехать в другое государство*, *правовое государство* и *правовая страна*, *неведомые страны* и *неведомые государства*, *охраняется государством* и *охраняется страной*.

Так, семантические процессы, приведшие к образованию русской идиомы *без царя в голове*, не могут быть эксплицитно описаны на традиционном метаязыке, основанном на обращении к тропеическим преобразованиям, так как соответствующее словосочетание в прямом значении не существует. С когнитивной точки зрения выражение *без царя в голове* может быть объяснено как результат обработки двух фреймов: "*государство*" и "*человек*". Первая когнитивная операция, проведенная над фреймом "*государство*" — выделение слота "*глава государства*". Далее следует операция элиминирования содержания этого слота. Третья операция — модификация содержания слота "*контроль*" фрейма "*государство*". Результатом этой операции является идея отсутствия контроля. На последнем этапе когнитивной обработки происходит амальгамирование слотов "*глава государства*" и "*контроль*" фрейма "*государство*" с корреспондирующими слотами фрейма «человек» (Baranov, Dobrovolskij, 1996:25)

- **Постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения.**

Идея о неоднородности плана содержания в современной лингвистической семантике является одним из основных тезисов. Часто выделяют ассертивную часть значения, пресуппозитивный компонент, иллокутивную составляющую. Это объясняется тем, что если значение предложения – это та информация, которую оно передаёт, то если получив из исходного предложения некоторую информацию А, мы, не привлекая никаких дополнительных сведений, оказываемся обладателями информации Б. Эта информация Б передается предложением, связанным с исходным отношением следования, то это возможно только благодаря тому, что информация Б составляет часть информации А. значит значение исходного предложения включает в себя значение предложения, являющегося его следствием, **импликацией** или **пресуппозицией**. А те компоненты семантического представления, которые подвергаются отрицанию, при отрицании предложения в целом, называются **ассертивными компонентами** или просто **ассерцией**. (Кобозева, 2009:213-215).

«Эти компоненты обладают, как правило, разной степенью эксплицитности в плане содержания языкового выражения. Выделенность, подчеркнутость того или иного элемента плана содержания предложения достигается с помощью самых разнообразных языковых средств:

- 1) Порядка слов + интонации = линейно-интонационной структуры;
- 2) Выбора одной из коррелятивных лексических единиц
- 3) Выбора одной из синтаксических конструкций – трансформов (конструкций связанных, той или иной синтаксической трансформацией). (Кобозева, 2009:250).

Когнитивный подход объясняет эту особенность устройства плана содержания лексической единицы тем, что когнитивные структуры, стоящие за языковыми структурами, принципиально нелинейны и при их языковом воплощении требуют специальной "упаковки", предложенная У. Чейфом, который считал, что «упаковка» пропозиционального содержания – это то,

как подается пропозициональное содержание, и лишь во вторую очередь она связана с тем, что представляет собой это содержание, точно также, как упаковка зубной пасты связана со свойством товара при продаже при относительной независимости от качества самой пасты. (*Chafe, 1994:250*)

Переход от нелинейной структуры к ее линейному представлению всегда сопровождается тем, что эксплицитно выражается лишь некоторая часть когнитивной структуры, а другие ее части могут присутствовать в имплицитном виде. На этой особенности устройства плана содержания языка основаны эффекты речевого воздействия, используемые в рекламе, политической аргументации и других сферах функционирования языка». (*Баранов, Добровольский 1996:17*).

Из всего вышеизложенного, мы можем заключить, что важнейшее достижение современной лингвистики состоит в том, что язык уже не рассматривается «в самом себе и для себя»; он предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Язык – это вербальная сокровищница нации, средство передачи мысли, которую он «упаковывает» в некую языковую структуру. Знания, используемые при этом, не являются лишь знаниями о языке. Это также знания о мире, о социальном контексте, знания о принципах речевого общения, об адресате, фоновые знания и т. д. Поэтому, для репрезентации и вербализации многообразия объективного мира необходим принцип языковой экономии, так как этот принцип обусловлен потребностями человеческого мышления и коммуникации. Следовательно, ни один из названных типов знания нельзя считать приоритетным, только изучение их всех в совокупности и взаимодействии приблизит нас к пониманию сути языковой коммуникации.

## Выводы по первой главе

Принцип языковой экономии, содержащийся в основе многих языковых модификаций, признается многими лингвистами мира. Имея универсальный характер, он присущ всем языкам мира. Многие изменения, происходящие в английском языке, могут быть объяснены действием данного принципа.

Принцип экономии в языке и речи носит универсальный характер, что обусловлено его проникновением во все уровни языковой системы. Причиной тому является иерархическое распределение ярусов системы языка: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, а также текста как единицы наивысшего уровня. Однако, в лингвистической литературе нет исследования, где вопрос экономии рассматривался бы в цельной системе, и где давалось бы поуровневое описание фактов реализации принципа экономии. Встречаются пока лишь отдельные работы, посвященные описанию частных случаев экономного использования речевых средств.

Наиболее заметные и ощутимые трансформации на наш взгляд происходят в словарном составе языка, то есть в лексике, которая в любой период своего развития представляет собой конгломерат процессов, различных по своему характеру и особенностям. На лексико-семантическом уровне языковой системы языковая экономия реализуется, прежде всего, благодаря полисемии и аббревиации.

Тенденция к экономии языковых средств обусловлена потребностями человеческого мышления и общения. Принцип языковой экономии отражается в умении экономно выражать многообразие объективного мира.

Язык является основной формой, в которой отражены наши знания о мире, а также основным средством хранения, переработки и передачи знаний. К числу наиболее известных когнитивных категорий, заимствованных из теории представления знаний, относятся понятия фрейма

и сценария. Фреймы и прототипы относятся к числу наиболее известных категорий, заимствованных из теории представления знаний. Они фактически представляют собой один из способов экономии усилий, поскольку являются «идеализированными когнитивными моделями» и сводят практически любую уникальную ситуацию к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека. «Тенденция к экономии сплошь и рядом порождает "ритуализацию" мышления человека и его языкового поведения. Усилия экономятся лишь там, где проблемная область четко структурирована, а поведение регламентировано» (Баранов, Добровольский 1996:16).

## Глава 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

### 2.1 КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ АББРЕВИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В английском языке тенденция к различному роду сокращений, а также расширению словарного состава наблюдается со второй половины XX века. Причины таких изменений словарного состава в большинстве случаев очевидны: здесь социальные и культурные перемены внутри современного общества, технологическая «революция» и глобализация, способствующая появлению все новых и новых понятий, которые нуждаются в терминологии.

Привычное представление о новых моделях построения лексических единиц в процессе развития языка вносят свои поправки во второй половине XX века. Тенденция к языковой экономии на лексическом уровне языковой системы находит свое специфическое преломление. Наряду с традиционно выделяемыми типами словообразования все большее распространение получают слова, образованные с помощью аббревиации, слияния морфем и их частей и различные смешанные типы лексических единиц. Одной из причин постоянно растущего числа многообразных лексических сокращений в современном английском языке объясняется стремлением языка к моносиллабизму. Следует отметить, что данная тенденция в языке была отмечена французским лингвистом Ш. Балли: «...английский язык, стремящийся к моносиллабизму, превращает zoological garden в zoo..., popular concerts в pops...» (Балли, 1955: 333)

Чаще всего возникновение различных сокращенных лексических единиц объясняется «принципом наименьшего усилия» или «законом экономии речевых средств». По нашему мнению, короткие, односложные и двусложные слова в английском словарном составе занимают большее место,

в то время как длинные слова воспринимаются как нечто инородное. Этим и объясняется необходимость изучать экономическую терминологию, не последнее место в которой занимают аббревиатуры и сокращения. Специфический подход, которого они требуют как особый класс лексики, обуславливает целесообразность выделения их в отдельную область научного знания. О важности и месте словообразования путем аббревиации в свое время писал О. Есперсен: “Сокращения...нигде не являются столь многочисленными как в современном английском языке. Они в действительности представляют одну из наиболее характерных черт развития английского языка на данном этапе”(Jespersen, 1946:550-551).

Следует подчеркнуть, что тенденция заменять развернутые высказывания краткими вообще проявляется в языке очень ярко. В книге «The ABC of Style» Рудольф Флеш пишет: «...don't hesitate to use a shortened word like ad that is used and understood by everyone. And when you do use it, don't apologize for it with quotation marks, as in: Bring this «ad» (better: bring this ad)». В другом месте этой же книги читаем: «Don't be afraid of using shortened words like ad, bra, exams, gas, gym, lab, phone, pro, rhino, vet. All these and many more are now standard English. They should be used freely without either quotation marks or apostrophoes» (Flesh, 1966:256)

Наиболее распространенной классификацией лексических сокращений является классификация аббревиальной лексики английского языка на аббревиатуры, акронимы, усечения и слияния.

### **2.1.1 Аббревиатуры**

Аббревиатуры определяются как слова, составленные из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания или образованные путем сложения начальных букв слов или начальных звуков, при этом каждая буква определенного слова читается так, как принято называть ее в алфавите:

*the U.S.A. - the United States of America*

*B.B.C. - British Broadcastings Corporation*

*M.P. - Member of Parliament*

*h.p. - horsepower*

*p.h. - per hour*

В английском языке различают следующие типы аббревиатур:

1. Аббревиатуры инициального типа - аббревиатуры, составленные из начальных букв компонентов словосочетания. Это аббревиатуры:

а. звукового типа, т.е. читаемые как простые слова, ударение падает на первый слог например: *a.s.a.p. (as soon as possible)* - «как можно скорее»  
*UFO - unidentified flying object* - «неопознанный летающий объект», *UEFA - Union of European Football Associations* - «Союз Европейских Футбольных Ассоциаций».

б. буквенного типа, т.е. читаемых как ряд букв, вернее, названий букв, ударение в такой аббревиатуре падает на последний слог, например: *BST - British Summer Time* - «Британское летнее время», *CAB - Citizens Advice Bureau* - «Бюро консультаций населения».

2. Аббревиатуры слогового типа, т.е. составленные из начальных слогов слов, составляющих словосочетание, например: *nem.con.* - от лат. "nemine contradicente" - «без возражений», *libs - liberals* - члены либеральной партии.

3. Аббревиатуры смешанного типа, совмещающие элементы двух предыдущих, например: *Rt. Hon - "Right Honourable"* - «высокопочтимый».

4. Аббревиатуры из сочетания начальной части (буквы) слова с цельным словом, не подвергшимся сокращению, например: *H - bomb* - водородная бомба, *H - bag - hand bag* - «дамская сумочка», *X-card* - рождественская открытка.

5. Аббревиатуры из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго, например: *motel - motorists' hotel* - «гостиница на автомобильных дорогах».

Некоторые аббревиатуры образованные сложением начальных букв, произносятся как слова, например: *North Atlantic Treaty Organization*, известен как *NATO*, *The United National Educational Scientific and Cultural Organization* называется *UNESCO*. Несмотря на то, что аббревиатуры сокращаются, то есть претерпевают изменения в количественном плане, в частности, усекаются, теряют часть слова, они сохраняют значение полного слова или словосочетания.

Аббревиатуры, являющиеся вторичным наименованием предмета и существующие в языке наравне с полной формой, являются стилистически окрашенными словами и носят неофициальный, разговорно - фамильярный характер. Например: *sister - sis*; *doctor - doc*; *referee - ref*; *professor-prof*; *second - sec*; *difference - dif*; *promenade -prom*; *operation -op* и т.п.

Если исходное слово забывается или начинает употребляться реже и аббревиатура становится основным, а не вторичным наименованием предмета, сокращенное слово становится стилистически нейтральным: *plane (om aeroplane)*, *cab (om cabriolet)*, *perm (om permanent wave)*, *phone (om telephone)*, *bus (om omnibus)* и др.

Еще одно обстоятельство, возникающее как следствие распространенности аббревиатур, а именно образование омонимов. Омонимы, возникающие на почве сокращений, могут быть представлены в виде двух принципиально различных групп - одну группусоставляют сокращения, совпадающие с уже существующими полными словами, например, *CAR - Canadian Association of Radiologists*, *C.A. T. - Civil Air Transport или art - сокращения для artillery* и полное слово *art* искусство, *camp - сокращение для campaign* и полное слово *camp* лагерь.

Другую группу омонимов составляют многозначные сокращения. При сокращении различных многосложных слов их первые части могут совпадать, образуя омонимы - сокращения, например: *sub - subaltern*, *sub - subeditor*, *sub - subject*, *sub - subjunctive*, *sub - sublimation*, *sub - submarine*, *sub - subscription*.

Еще более многочисленны омонимичные сокращения, возникающие за счет того, что различные названия, состоящие из нескольких слов с совпадающими буквами, образуют омонимы, например: *RTC - Railway Transport Corps*, *RTC - Recruit Training Centre*, *RTC - Reserve Training Corps*, *R.T.C. - Royal Tanks Corps*.

В последние годы в английском языке получили распространение аббревиатуры, имеющие статус слов, которые отражают деление общества в США и Великобритании на различные слои и группы. Так, в пределах средних слоев различаются несколько групп в зависимости от возраста, образа жизни, интересов, места проживания.

Выделяются, например, 2 основные группы молодых представителей этих слоев, *yuppie (young urban professional person)* - «молодой городской профессионал» и *rumpie (rural upward mobile professional)* - «молодой человек, живущий в сельской местности и делающий профессиональную карьеру в городе».

Среди представителей среднего и пожилого возраста выделяются группы преуспевающих людей, которые обозначаются следующим образом:

*mamba (middle - aged middle - brow accomplisher);*

*glam (greying, leisured, affluent and married);*

*woopie (well-off older person).*

«Молодые городские профессионалы» (*yuppies*), достигшие среднего или пожилого возраста, получили название *yeepie (youthful energetic elderly people)*.

К неологизмам этого же типа относятся следующие аббревиатуры : *dinkie (double income, no kids)* - «бездетная семья, в которой и муж и жена работают» и *nilky (no income, lots of kids)* - «многодетная семья безработного»  
Американизм *Yuppie*, имеющий «аббревиатурное» происхождение лег в основу целой серии новообразований. Так в словарях неологизмов зафиксированы следующие образования типа *birppie - "a black yuppie"*, *jurpy - "a Japanese yuppie "*.

В периодической печати последних лет употребляется еще целый ряд неологизмов, связанных со словом *yuppie*: *yummie* (*yuppie* + *Muslim*) - «юппи» мусульманского происхождения, *superyuppie* - «сверхчестолюбивый молодой человек», *yuppiedom* - «мир юппи».

Жизнь аббревиатур демонстрирует различного рода, борющиеся в языке тенденции. Создание аббревиатур объясняется стремлением дифференцировать то или иное явление, дать ему логически точное и исчерпывающее наименование. Сокращение многочленного названия происходит ради экономии речи, но при этом как бы подразумевается обязательная расшифровка аббревиатуры. С другой стороны - наблюдается забвение внутренней формы, аббревиатура воспринимается как единое целое слово, подвергается влиянию грамматической и фонетической систем.

### 2.1.2 Акронимы

К новым, часто находящимся в стадии становления словообразовательным моделям относятся модели образования акронимов. Сокращения, состоящие из начальных букв слов и основ, называются инициальными аббревиатурами или акронимами. Акронимы читаются по буквам или как слова по правилам чтения. Например:

*C/C* ['si: 'ai 'si:] *Counter Intelligence Corps*

*POW* ['pi: 'ou 'cbielju :] *prisoner of war*

*LCC* ['el: 'si: 'si] *London Country Council*

*CID* ['si : ' ai 'di:] *Criminal Investigation Department*

*NATO* ( 'neitouJ *Narth Atlantic Treaty Organisation*

*Radar* ['zegaэ] *radio detecting and ranging*

Модели акронимов, как и любые формулы строения языковых единиц, могут проявляться лишь в конкретных, реально существующих лексических единицах. Исходным положением при анализе моделей акронимов должен быть структурно-семантический подход. Другими словами, речь должна идти

не о каких-то сугубо формальных звуковых или буквенных структурах, лишенных плана содержания, а о структурно-семантических моделях, неразрывно связанных с определенной смысловой нагрузкой.

В авиационной лексике получила распространение группа акронимов с компонентом -TOL (... take off or landing), обозначающих определенные способы взлета и посадки, а также самолеты, сконструированные с учетом соответствующих способов взлета и посадки: *ATOL - Assisted Takeoff or Landing; CTOL - Conventional Takeoff or Landing; GETOL - Ground Effect Takeoff or Landing; HTOL - Horizontal Takeoff or Landing; STOL - Short Takeoff or Landing; VTOL - Vertical Takeoff or Landing; V/STOL - Vertical and/or Short Takeoff or Landing.*

В морской литературе отмечен ряд акронимов с компонентом -AG (... and Gas Turbine), обозначающих различные комбинированные корабельные (судовые) энергетические установки: *CODAG - Combined Diesel and Gas Turbine; CODEAG - Combined Diesel Electric and Gas Turbine; COGAG - Combined Gas Turbine and Gas Turbine; CONAG - Combined Nuclear and Gas Turbine; COSAG - Combined Steam and Gas Turbine.*

Сферы употребления акронимов, как правило, четко ограничены.

Ограничения на употребление акронимов предписаны денотативным значением слов, входящих в них. Так, единицы типа *MIPS, RAM (random - access memory), ROM (read - only memory)* ограничены в употреблении рамками компьютерной техники;

*PINS (persons in need of supervision),*

*SWAT (special weapons and tactics)* употребляются в юриспруденции;

*DOMSAT (domestic satellite), GUIDO (guidance officer)* - в аэрокосмонавтике;

*MEDLARS (Medical Literature Analysis and Retrieval System)* - в медицине.

Особого внимания заслуживают акронимы, употребляемые в сфере образования: *TEFL (Teaching English as a Foreign Language)*, всем известна

Международная Организация преподавателей английского языка как иностранного *IATEFL (International Association of Teacher of English as a Foreign Language)* и американская организация *TESOL (Teachers of English to Speakers of Other Languages)*, в сфере охраны окружающей среды: *UNEP (United Nations Environmental Program)*, *ADAPTS (Air Deliverable Antipollution Transfer System)*

Можно отметить также, что стремлением к «модельности» отмечены не только акронимы, входящие в терминологическую лексику. Эта же тенденция обнаруживается и в сленговых образованиях. Примером может служить группа сленговых слов, образованных по типу широкоизвестного *SNAFU, snafu - situation normal, all fouled up* - «обстановка нормальная - полная неразбериха»: *CUMMFU - complete utter monumental military foul-up; JAAFU - joint Anglo-American foul-up; JACFU - joint American-Chinese foul-up; JANFU - joint Army-Navy foul-up; SAPFU - surpassing all previous foul-ups; SUSFU - situation unchanged, still fouled up; TARFU - things are really fouled up; TUIFU- the ultimate in foul-up.*

Иногда акронимы создаются из стремления к оригинальности, например, организация, борющаяся с курением, создала акроним *ASH* пепел (*Action on Smoking and Health*). Ср. *NOW (National Organization for Women)*.

Среди акронимов последних десятилетий также наблюдается явление омонимии. Один из самых популярных акронимов *GASP* употребляется в речи нескольких групп, борющихся против загрязнения окружающей среды:

*Group Against Smoke and Pollution, Greater Washington Alliance to Stop Pollution.*

### 2.1.3 Усечения

В современном английском языке довольно большое распространение получают «усеченные» слова. Особенностью усечений является их сниженная стилистическая окраска, и, соответственно, их употребление

ограниченно рамками разговорной речи. например: *prog* - *progressive* передовая личность имеет пренебрежительный оттенок, нечто вроде прогрессист (ср. русское *интель* - *интеллигент*). Большинство усечений типично для живых норм английского языка и имеет явно выраженный разговорный характер : *fab* (*om fabulous*), *recap* (*om recapitulate*), *lab* (*om labour*).

Существует несколько подтипов усеченных слов:

1) Усечение, при котором остается начальная часть слова: *sub* (*submarine*) *подводная лодка*;

2) Усечение, при котором остается конечная часть слова: *chute* (*parashute*) *паращюм*;

3) Усечение, при котором отпадает средняя часть слова: *Ry* (*railway*) *железная дорога*;

4) Усечение, при котором остается два слога:

*ammo* (*ammunition*) *боеприпасы*

*memo* (*memorandum*) *докладная записка*;

5) Усечение прилагательного в сложном слове: *technicolour* (*technical colour*) *цветная кинематография*

Усечение наиболее характерно для различных типов сленга (школьного, спортивного, газетного). Среди приведенных выше примеров преобладают газетные усечения.

Так, *upmanship* часто появляется на страницах английских газет и используется в рекламах, в рекомендациях как достичь успеха. Например:

*Upmanship is the art of being one up on all the others. Hospital upmanship: My Doc is better'n yours.*

Усеченные слова широко распространены в жаргоне, но в научно-технической терминологии встречаются редко. Как правило, они возникают в жаргоне, но некоторые из них затем проникают и в терминологию: *prop* (*propeller* «воздушный винт»), *proto* (*prototype* «первый, экспериментальный образец»).

За счет усечений, так же как и за счет аббревиатур, возникает очень много омонимов типа *camp* - *campaign*, *art* - *artillery*, в результате чего совпадают *camp* - сокращение для *campaign* и полное слово *camp* - лагерь, или *art* - сокращение для *artillery* и полное слово *art* - искусство.

Нередко новые термины - сложносокращенные слова образуются путем усечения двух слов и слияния их в одно. При этом одно слово теряет начальную, а другое - конечную часть. Характерно то, что в отличие от собственно усеченных слов такие «условно усеченные, слова» употребляются только в составе сложносокращенных слов (так называемых *portmanteau words*), для образования которых они и были созданы. Примером такого сложносокращенного слова может служить термин *transceiver* (*from transmitter и receiver*) «приемно-передаточная установка».

Усеченные слова раскрывают закономерности движения и обогащения словарного состава за счет внутренних ресурсов лексической системы английского языка. Усеченные слова - это более эмоционально окрашенные формы выражения уже известных понятий.

#### 2.1.4 Слияния

В современном английском языке образование телескопных номинация становятся все более многочисленными. Этому способствует общая тенденция языка к экономии языковых средств, что дает возможность передать в сжатом виде экспрессивно - оценочные коннотации. Семантической особенностью слов - слитков является способность передать смысл сложного понятия или выразить оценку, что способствует широкому распространению в терминологических системах. Слияние (англ. *portmanteau*) - это образование информационного комплекса, объединяющего морфы двух или более морфем. Например:

*Bionics* < *biology* + *electronics*; *camporee* < *camp* + *jamboree*; *gasohol* < *gasoline* + *alcohol*; *glasphalt* < *glass* + *asphalt*.

С. Поттер дает следующее определение телескопическим словам: «Телескопическое слово может быть определено как сращение двух свободных форм, в результате которого образуется новое слово, разделяющее или сочетающее их значения» (Potter, 1960:75).

Рассмотрим типы этих лексических новообразований или их модели:

1. Наиболее частотный тип - соединение двух усеченных основ с наложением фонем или групп фонем на стыке. К этому типу относятся следующие слова: *smog* < *smoke* + *fog*; *medicare* < *medical* + *care*; *bionics* < *biology* + *electronics*; *motel* < *motor* + *hotel*; *Spanglish* < *Spanish* + *English*; *transistor* < *transfer* + *resistor*.

2. Соединение начального фрагмента одного исходного слова с конечным фрагментом второго без междусловного наложения: *Oxbridge* < *Oxford* + *Cambridge*; *brunch* < *breakfast* + *lunch*; *celtuce* < *celery* + *lettuce*; *galumph* < *gallop* + *triumph*.

3. Соединение полной основы одного исходного слова с усеченной основой другого слова с наложением фонем или без него: *camporee* < *camp* + *jamboree*; *spansule* < *span* + *capsule*; *workaholic* < *work* + *alcoholic*; *narcoma* < *narcotic* + *coma*.

4. Соединение двух полных основ с междусловным наложением (гаплогогия): *glasphalt* < *glass* + *asphalt*; *guesstimate* < *guess* + *estimate*; *slanguage* < *slang* + *language*.

5. Единицы с финальным усечением обоих компонентов менее многочисленны: *Zedonk* (*Zebra*, *donkey*), *sitcom* (*situation* + *comedy*).

Большое распространение слова-слитки приобрели в военной терминологии, в технике, в медицине и некоторых других областях науки, где важна компактная передача информации. Так появились и вошли в словарный фонд современного английского языка следующие слова:

*Bionics* < *biology* + *electronics*; *camporee* < *camp* + *jamboree*; *gasohol* < *gasoline* + *alcohol*; *glasphalt* < *glass* + *asphalt*; *guesstimate* < *guess* + *estimate*; *lidar* < *light* + *radar*; *medicare* < *medical* + *care*; *meld* < *melt* + *weld*;

*modem* < *modulator* + *demodulator*; *moped* < *motor* + *pedal*; *Oxbridge* < *Oxford* + *Cambridge*; *narcoma* < *narcotic* + *coma*; *pennant* < *pennon* + *pendant*; *pulsar* < *pulse* + *quasar*; *quasar* < *quasi* + *stellar*; *radome* < *radar* + *dome*; *simulcast* < *simultaneous* + *broadcast*; *varistor* < *varied* + *resistor*.

Основная масса слов - слитков используется в средствах массовой информации и в рекламе. В силу свежести и неожиданности формы, они привлекают внимание и оказывают определенный прагматический эффект на читающего. Например:

*Every single girl, every single day, has one hour of tennis, one hour in the pool, one hour of slimnastics.*

Слова - стяжения, слова - слитки играют важную роль в современной разговорной и газетно - публицистической речи, т.е. в тех стилях речевого общения, где стремление к оперативности изложенного особенно ощутимо. Кроме этого, такой способ особенно широко используется при образовании терминов. Например:

*cashomat* (*cash* + *automat*), *sitcom* (*situation* + *comedy*), *boatel* (*boat* + *hotel*).

Как усеченные слова, так и слияния («гибриды») раскрывают закономерности движения и обогащения словарного состава за счет внутренних ресурсов лексической системы английского языка. Таким образом, одним из проявлений закона экономии речевых средств, «принципа наименьшего усилия», можно считать образование телескопных номинаций, слов- слитков, слов – портмоне (*Заботкина, 1989:38*).

За последнее время тенденция образования новых слов путем сокращения существующих слов или словосочетаний значительно возросла. Рост числа сокращений можно объяснить тем, что сложные слова и словосочетания, как правило, громоздки и неудобны, и, естественно, появляется стремление передать их кратко. Следовательно, аббревиатуры, создаваясь на основе существующей номинативной единицы, позволяют в более сжатом и компактном виде передать громоздкие наименования,

представляющие собой, развернутые словосочетания, многосложные слова, неудобные для регулярного применения. Сохраняя значение исходного слова или словосочетания, они остаются в стилистическом плане тождественными, в семантическом плане такими же емкими, как и первичные наименования. Целью создания таких образований выступает экономия в письме и в речи.

## 2.2 СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ В ЛЕКСИКЕ

Одной из языковых универсалий считается способность слово иметь несколько значений. Языковые формы могут быть связаны с целым рядом означаемых и соответственно выражать несколько значений, что в свою очередь является неиссякаемым источником семантической неоднозначности в лексике. Семантическая неоднозначность в лексике обеспечивает экономность, гибкость и способность охватывать все коммуникативные потребности в обозначении многообразия познанного человека мира.

Благодаря семантической неоднозначности лексических единиц - язык становится орудием, инструментом познания, так как обозначение одним звуковым комплексом одновременно нескольких явлений, зачастую базируется на установленных говорящими отношениях и связях, существующих между этими явлениями. Следовательно, проявление семантической неоднозначности лексических единиц выявляется в полисемии и омонимии, что, по всей вероятности, проявляют семантическую универсалию, глубоко коренящуюся в фундаментальной структуре языка, как основного источника языковой экономии.

В лингвистической литературе нет единства взглядов на явление, называемое омонимией, и на отграничение его от того, что именуется многозначностью, или полисемией. При этом речь идет не только о разном применении термина «омоним», а скорее о разном определении понятия «слово», о разном подходе к тому, «каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т.е. какие различия между такими случаями совместимы и какие, напротив, несовместимы с тождеством слова» (Смирницкий, 1956:36).

Семантические различия между употреблением слова могут быть связаны с социальными, психологическими различиями между использующими это слово людьми. Для каждого человека то или иное слово

связано со специфической системой ассоциаций, с индивидуальной системой знаний о мире, с индивидуальным опытом (Кобозева, 2009:157).

### 2.2.1 Полисемия

"Ни один язык, - писал академик В.В. Виноградов, - не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей" (Виноградов, 1977: 18).

Полисемия (от латинского *poly* — «много»+ *sema*—«знак») — это наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой. Часто, когда говорят о полисемии, имеют в виду, прежде всего многозначность слов как единиц лексики. Многозначным слово становится тогда, когда различные его значения оказываются известными всем говорящим и получают закрепление в толковых словарях. Например, в английском языке существительное «*field*» имеет 13 возможных толкований:

1) *an area of land in the country, especially one where crops are grown or animals feed on grass,*

2) *a subject that people study or an area of activity that they are involved in as part of their work,*

3) *an area of ground where sports are played,*

4) *work or study that is done in the field is done in the real world rather than in a class or laboratory,*

5) *a) all the people, companies, products etc that are competing against each other, b) all the horses or runners in a race,*

6) *magnetic/gravitational/force field* - the area in which a natural force is felt or has an effect,

7) *coal/oil/gas field* - a large area of land where coal, oil, or gas is found,

8) *the field (of battle)* - the time or place where there is fighting in a war,

9) *field of vision/view* - the whole area that you are able to see without turning your head,

10) *snow/ice field* - a large area of land covered with snow or ice,

11) *field of fire* - the area that you can hit when you shoot from a particular position,

12) *leave the field clear for somebody* - to make it possible for someone to do something or to be successful at something, by not competing with them,

13) *in a computer document, an amount of space made available for a particular type of information.* (Longman Dictionary, 2003:587)

Между значениями многозначного слова существует семантическая связь, что позволяет объединять их в одном слове. Обратимся к семантической структуре прилагательного «*cold*». Мы обнаруживаем целый ряд производных значений данного слова, каждое из которых семантически связано с основным значением - *having a low temperature*: «*The office always feels so cold first thing on Monday morning*».

Реализацию производных значений можно проиллюстрировать следующими примерами:

- lacking normal human feelings such as sympathy, pity, humor etc.:  
*He is a very cold man, very aloof and arrogant;*
- unfriendly: *Martin was really cold towards me at the party;*
- cold colour: *The moon shone with a cold, clear light;*

Все лексико-семантические варианты данного слова отражают разные стороны его семантики, но при этом объединяются в единое целое на основе семантических ассоциаций.

Сущность многозначности заключается в том, что одно слово может иметь, кроме основного предметно-логического значения, ряд производных

предметно-логических значений, связанных между собой единым семантическим стержнем и различаемых в слове характером его употребления в контексте. Так слово *get* зафиксировано в Оксфордском словаре в следующих значениях:

- *to obtain possession of;*
- *to gain (a victory);*
- *to win;*
- *to learn, commit to memory;*
- *to find out, obtain as a result by calculation or experiment;*
- *to get hold of, to capture (of a person);*
- *to become; to grow (with comparatives);*
- *to reach;*
- *to receive и др.*

Все значения между собой, так или иначе, связаны, образуя довольно сложное семантическое единство, которое называется семантической структурой слова. Семантические связи внутри многозначного слова организуют системность лексики, которая отчетливее всего проявляется на уровне одного слова. Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей неодинаков, можно считать многозначность одним из ярких признаков национальной самобытности лексики.

Реализация того или иного значения слова осуществляется посредством контекста или определенной ситуации. Контекст, в свою очередь, обуславливает конкретное значение многозначного слова, в определенных условиях он может создавать семантическую совместимость отдельных лексических значений. Таким образом, увидеть и понять многозначность возможно при помощи контекста.

Рассмотрим экономию языковых усилий многозначного слова *dirty* на примере из романа Р. Чендлера “Farewell my lovely.”

*“You walking out on me?”*

*I went over to the door. "I have to go home and take a bath and gargle my throat and get my nails manicured."*

*"You aren't sick, are you?"*

*"Just dirty," I said. "Very, very dirty."*

*"Well, what's your hurry? Sit down a minute" (Chandler R, 1983).*

Конструктивным смыслом *"Very, very dirty"* является *"not clean; covered with dirt"*. С другой стороны, если читатель знаком с ситуативным контекстом, то он сразу поймет, что слово *dirty* не имеет ничего общего с «грязью» в прямом смысле этого слова. Слово *"Dirty"*, несмотря на контекстуальные уточнители *"I have to go home and take a bath and gargle my throat and get my nails manicured."*, используется в переносном значении и является результатом отрицательных впечатлений героя от прошедшего дня, которые включают свидетельство убийства, встречу с неприятными людьми, например:

*"I did it for you. I took in a pint of bourbon with me. She's a charming middle-aged lady with a face like a bucket of mud and if she has washed her hair since Coolidge's second term, I'll eat my spare tyre, vim and all."*;

*"His eyes were bright, toad like, steady."*;

*"He hung up and scribbled on a pad and there was a faint gleam in his eyes, a light far back in a dusty corridor."* и т.д.

Таким образом, слово *"dirty"*, одним из значений которого может стать *"full of negative impressions"*, очень емко передает настроение героя и его моральное состояние после пережитого.

Полисемия (многозначность) не мешает людям понимать друг друга потому, что ситуация и контекст, т.е. словесное окружение, в котором употребляется слово, всякий раз снимают полисемию и придают слову точное значение. Как бы ни было многозначно слово, будучи употреблено в речи, оно реализуется только в одном из своих значений.

Рассмотрим еще один пример многозначного слова *"fortune"* на примере из романа Грахам С. *"Waterland."*

- “*And don't forget, ' my father would say, as if he expected me at any moment to up and leave to seek my **fortune** in the wide world, whatever you learn about people, however bad they turn out, each one of them has a heart, and each one of them was once a tiny baby sucking his mother's milk...*”

*To seek my fortune*: слово ‘fortune’ в данном контексте имеет значение ‘счастье’, однако если обратиться к словарному определению, которое дает электронный словарь АБВУ Lingvo, первое значение многозначного слова ‘fortune’ - состояние (имущество, собственность):

- 1) *состояние (имущество, собственность)*
- 2) *разг.; a small fortune кругленькая сумма, целое состояние*
- 3) *участь, доля, судьба*
- 4) *good fortune счастье, удача, везение*
- 5) *фортуна (олицетворение удачи)*
- 6) *счастье, благополучие, богатство*

Перевод этого слова в данном контексте актуализируется в шестом ЛСВ в значении «счастье, благополучие, богатство».

Однако важно иметь в виду, что многозначностью могут обладать любые языковые знаки: единицы лексикона меньше и больше слова (т.е. морфемы – как корневые, так и служебные – и фразеологизмы различных типов). Как многозначность слов, так и полисемия фразеологических единиц возникает в результате того, что язык представляет собой систему, ограниченную по сравнению с многообразием действительности. Например:

*be out of the picture:*

- 1) не соответствовать, выпадать из общего тона;
- 2) не принимать участия, не котироваться.

*hold the key(s):*

- 1) держать в своих руках, держать под контролем;
- 2) иметь ключ к разгадке, содержать разгадку.

*give somebody a lift:*

- 1) посадить, подвезти, подбросить кого-либо;

2) оказать содействие, помочь кому-либо.

*off the rails:*

1) сбившийся с пути истинного;

2) выбитый из колеи, дезорганизованный;

3) разг. не в своем уме, не вес дома.

Ситуация и контекст, т. е. словесное окружение, в котором употребляется слово или фразеологизм, всякий раз снимают полисемию и придают точное значение. В основе процесса фразеологической номинации лежит фразеологическое переосмысление. Переосмысление является одним из способов познания действительности в сознании человека и связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отраженных объектов на основе установления связей между ними (Кунин, 2005:134).

Рассмотрим два следующих примера с фразеологической единицей “to turn one's heel”:

1) *Soames turned on his heel. "I'm not going into the reason, " he said" "you ought to trust me, Fleur! "*

2) *He waited for the effect. There was absolutely none. "Good morning he said, and turned on his heel . (Galsworthy, J. "Indian Summer of a Forsyte").*

В первом примере фразовый контекст реализует значение фразеологической единицы *to turn on one's heel* - «круто повернуться». Во втором примере реализуется значение «круто повернуться и уйти». Контекст ограничивает различные оттенки значения одной фразеологической единицы.

Таким образом, многозначность слова и фразеологизма определяется природой мышления, способностью человека обобщать явления окружающего нас мира.

Полисемия основана на асимметричности языкового знака, где одному плану выражения соответствует два или несколько планов содержания, отражая при этом принцип языковой экономии формальных средств при передаче максимального смыслового объема. Многозначность является конститутивным свойством языка и речи, которые представляют собой

примеры деятельности, когнитивной по своей сути и характеру. Таким образом, существование многозначности в языке не только позволяет поддерживать принцип языковой экономии, но и обеспечивает устойчивость и системность отношений между лексическими единицами языка.

### 2.2.2 Омонимия

Кроме полисемии также следует уделить внимание омонимии, которая как пишет Ш. Балли, является предельным типом многозначности (*Балли, 1955:189*).

Омонимия происходит от греческих слов «*homos*» - одинаковый и «*онута*» - имя. Омонимия рассматривается как слова идентичны по произношению и написанию, но отличаются по своему значению. В отличие от полисемии омонимы не обладают общими семантическими признаками, общими элементами смысла и соответственно они никак не связаны друг с другом (*Бигс, 1983:170*). Например:

- *rent* - арендная плата; квартирная плата;
- *rent* - дыра, прореха; прорезь, щель;

Слова, омонимичные во всех своих формах и отличающиеся только лексическими значениями, называются полными лексическими омонимами:

- *spring* пружина, весна и родник;
- *seal*<sub>1</sub> печать и *seal*<sub>2</sub> кончик, тюлень;
- *band*<sub>1</sub> лента и *band*<sub>2</sub> оркестр;
- *match*<sub>1</sub> спичка, *match*<sub>2</sub> состязание, *match*<sub>3</sub> пара;
- *to miss*<sub>1</sub> промахнуться и *to miss*<sub>2</sub> скучать о ком-нибудь;
- *to draw*, тащить, тянуть и *to draw*<sub>2</sub> рисовать, чертить  
(*Смирницкий, 1956:160*).

Различают два вида омонимии- это омофоны и омографы. Слова разного значения и написания, совпадающие только по звучанию называются омофонами. Например:

- *affect* «сверло»
- *effect* «результат»;
- *bases* «базы»
- *basis* «основание»
- *call* «запрос»
- *col* «седло»; и.т.д

- *Do you sell this parrot with cell or not?* – *Вы продаете этого попугая с клеткой или нет?*

В первом случае глагол *to sell*- продавать, а во втором *cell*- клетка.

Слова разного значения и звучания, но совпадающие по написанию называются омографами. Например:

- *bow* [*bow*] лук
- *tear* n. [*tɪə*] слеза
- *tear* n. [*tɛə*] рвать
- *row* n. [*rou*] ряд
- *row* n. [*rau*] скандал

Рассмотрим два предложения с использованием омонима *can* и *lead*:

1. *I can not open this can without your help.* – *Я не могу открыть эту консервную банку без твоей помощи.*

Как мы видим, в этом предложении встречаются два слова *can*, только в первом случае это модальный глагол, который переводится как «мочь, иметь возможность», а во втором как «консервная банка»

2. *Lead is in the store. I'd better lead you there.*- *Свинец находится на складе. Мне следует провести вас туда.*

В первом случае *lead* используется в смысле «свинец», а во втором употребляется в значении глагола *to lead*- проводить, указывать направление.

В лингвистической литературе нет единства взглядов на явление, называемое омонимией, и на отграничение его от того, что именуется многозначностью, или полисемией. При этом речь идет не только о разном примени термина «омоним», а скорее о разном определении понятия

«слово», о разном подходе к тому, «каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т.е. какие различия между такими случаями совместимы и какие, напротив, несовместимы с тождеством слова». (Смирницкий, 1956:36)

Некоторые исследователи в качестве объективных критериев разграничения омонимии и полисемии выдвигали словообразовательные и синтаксические характеристики; однако их значение нельзя признать решающим, поскольку расхождение словообразовательных рядов не непременно связано с разрывом соответствующих значений (часто производные вообще «специализируют» значение производящего), а реализация разных значений слова в различных синтаксических конструкциях далеко не всегда связана с их семантическим разрывом (Елисеева, 1989:112).

Обычно контекст, ближайшее окружение слова достаточно определенно подсказывают, какое из омонимичных слов имеет в виду говорящий. Например:

*I could not bear the sight of the poor bear in the bare forest near the construction site.*

*Я не мог вынести вида бедного медведя в оголенном лесу возле строительной площадки.*

Благодаря контексту столкновения омонимов (bear<sub>1</sub> 'терпеть, выносить', bear<sub>2</sub> 'медведь', bare<sub>3</sub> 'голый, обнаженный', sight<sub>1</sub> 'вид', site<sub>2</sub> 'место для застройки, строительная или монтажная площадка) не происходит.

Иногда возможность неоднозначного определения смысла омонимичных слов используется в каламбурах, построенных на игре слов. Например:

*1. You promised to tell me your history, - said Alice. - Mine is a long and sad tale, - said the Mouse sighing. - It is a long tail, certainly, - said Alice, looking down with wonder at the Mouse's tail. - But why do you call it sad?! (L. Carrol. Alice in Wonderland).*

Здесь сталкиваются омонимичные друг другу существительные tale 'сказка, рассказ, история' и tail 'хвост'.

В следующем примере каламбур основан на одновременном восприятии словарных омонимов fine как штраф и fine как прекрасный.

*Officer: Don't you see that sign "Fine for parking"?*

*Driver: Yes, officer, I see and I agree with it.*

Рассмотрим еще один пример, где наблюдается потрясающая игра слов. Здесь обыгрывается не просто существительное, а имя собственное! Gore – не только фамилия крупного американского политика Albert Arnold Gore. Gore переводится, как... «запекшаяся кровь». Чтобы более отчетливо показать противоречие смыслов, каламбур был усилен определением violent. Соответственно, данная игра слов может намекать на поведение, действия, черты характера и т.п. Альберта Гора. А возможно, что и нет. Ведь каламбур может быть создан и просто ради игры слов.

*Presidential debates are commonly violent and full of Gore.*

Таким образом, полисемия и омонимия занимают особое место в эволюции языка, которая стремится удовлетворить коммуникативные потребности человека при наименьших затратах его психической и физиологической энергии и в то же время даёт ему выбор оптимальных для данного речевого акта средств выражения мысли.

## 2.3 МЕТАФОРА, МЕТОНИМИЯ И АЛЛЮЗИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В ЛЕКСИКЕ

В последнее время, по признанию многих исследователей, в лингвистике наблюдается пересмотр позиций по вопросам соотношения языка и мышления, языкового отражения действительности. Язык является основной формой фиксации знаний о мире, что обусловлено познавательной и производительной деятельностью человека. Следует отметить, что метафора, метонимия и аллюзия является универсальным способом познания и концептуализации действительного мира.

Изначально лингвисты рассматривали метафору, метонимию и аллюзию как языковой троп, которые отражали лишь стилистический характер. И только со временем подход к их изучению изменил свое направление. Их стали рассматривать не только как явление лингвистическое, состоящих в переносе наименования с одной сущности на другую, но и в русле когнитивного подхода, демонстрирующие разные мыслительные процессы. В этом виде они начинают изучаться, как эффективные средства языковой экономии.

Будучи единицей вторичной номинации, метафора, метонимия и аллюзия формирует новое языковое значение на базе уже существующих, наглядно иллюстрируя принцип языковой экономии.

Р. Якобсон отметил, что метафора, метонимия и аллюзия представляют собой основу смыслообразования в любой семиотической системе. Большое распространение получает точка зрения на то, что процессы, связанные с ними свойственны не только и не столько языку, сколько мышлению. (*Якобсон, 1990:110-132*). Отсюда следует, что метафора, метонимия и аллюзия отражают результат когнитивной обработки различных явлений и носят первоначально концептуальный, экстралингвистический характер. Следовательно, метафора, метонимия и аллюзия является эффективным средством концептуализации новых элементов современной

картины мира, поскольку по мере усложнения концептов усложняется и механизмы ословливания окружающей действительности.

### 2.3.1 Метафора.

Метафора является универсальным способом познания и концептуализации действительности мира, образуя новое языковое значение, отображая тем самым принцип языковой экономии. Изучение одного из самых ярких и наиболее часто используемых приемов нестандартного выражения смысла – метафоры – может показаться всепоглощающим увлечением современных ученых-лингвистов, которые в поиске путей образования, понимания и применения данного феномена пытаются проанализировать многотомные труды на затронутую тему.

Интерес к метафоре был и остается настолько большим, что еще в 1979 году литературный критик Уэйн Бут (Wayne Booth) сказал, что к 2039 году изучающих метафору станет больше, чем людей на планете (Booth, 1979: 47; Gibbs, 1999: 29). Несмотря на всю юмористичность приведенного высказывания, феномен метафоры действительно привлекает внимание все большего числа исследователей. Данный факт, в первую очередь, тем, что созданные на метафорической основе и вербализуемые посредством метафоры фрагменты языковой картины мира наиболее ярко «окрашивают концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» (Телия, 1988: 177).

Универсальный характер метафоры выступает как средство переосмысления знакомых наименований. Метафора направлена на:

- заполнение лексических лакун;
- глубокое проникновение в суть уже познанных объектов.

Например: *O, never say that I was false of heart, though absence seemed my flame to qualify.* (W. Shakespeare. Sonnet CIX)

Слово *flame* употреблено метафорически, оно обозначает любовь и подчеркивает ее пылкость, страстность.

*My body is the frame wherein 'tis (thy portrait) held.*

Эта строка из сонета Шекспира, в которой в слове *frame* реализуется отношение двух значений - предметно-логического *рама* (конкретный образ) и контекстуального - то, что обрамляет, место для хранения. В контексте дается возможность сопоставления таких понятий как «Мое тело как сосуд, в котором хранится твой образ» и «рама», в которую обычно заключен портрет.

Первая, более простая и поверхностная, функция метафоры – наименование. Однако просто перенос названия не является тем, что мы обычно понимаем под метафорой. В предложении:

*As his unusual emotions subsided, these misgivings gradually **melted** away.*

Метафора выражена глаголом *to melt* (в форме *melted*) реализуется отношение двух значений. Одно значение предметно-логическое — *таяние*; второе значение контекстуальное — *исчезновение* (один из признаков таяния). Образность создается взаимодействием предметно-логического значения с контекстуальным; причем, основой образности, всегда является предметно-логическое значение.

Речевая метафора является обычно результатом поисков точного адекватного художественного выражения мысли. Речевая метафора всегда дает какой-то оценочный момент высказыванию. Например:

*the ray of hope, floods of tears, storm of indignation, flight of fancy, gleam of mirth, shadow of a smile*

Их употребление привычно. Такие метафоры часто употребляются в разных стилях речи. Их особенно много в стиле газетном, стиле публицистики. В этих метафорах «не утверждается индивидуальное», оценочное, столь типичное для оригинальной метафоры.

Иногда метафора не ограничивается одним образом, а реализует несколько образов, связанных между собой единым, центральным,

стержневым словом. Такая метафора носит название развернутой. Например:

*Mr. Dombey's cup of satisfaction was so full at this moment, however, that he felt he could afford a drop or two of its contents, even to sprinkle on the dust in the by-path of his little daughter. (Ch. Dickens. Dombey and Son.)*

Слова *drop, contents, to sprinkle* создают дополнительные образы к основному образу *cup (of satisfaction)* (Арутюнова, 1990 : 160).

Метафора может имплицировать иронию, неодобрение, эмоциональное состояние (испуг, страх). В данном отрывке отрицательная реакция героя по отношению к полиции и суду воспринимается благодаря риторическому вопросу:

*“They’ve (judges, the police – примечание автора) got to do their job which is to keep the handles turning on the old sausage machine, and where would the world be without sausages?”*

Средством создания подтекста служит метафора *turning on the old sausage machine*, с помощью которой у читателя может создаться впечатление о суде и полиции как о неких никчемных, инертных механизмах, способных вариться лишь в своем собственном соку. Метафора имплицировывает здесь как иронию, так и осуждение.

Метафора обычно определяется как «скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» (Арнольд 1981: 82).

*All I mean is that it's conceivable - just barely - that some nut could have done this job to the girl with an axe and a saw. (nut - «сумасброд», «нсих»).*

*And in my opinion a wild beast is neither more nor less than what that old devil of a husband of hers is. (devil - «дьявол», «злой человек»).*

*That child is a pig and a beast. (pig - «свинья», «неряха»; beast - «упрямец»).*

*Marsland's rather an old duck... (duck - «добряк», «душка»).*

*Don't be an ass. (ass - «осел», «глупый человек»).*

*You fool, Roger, d'you think Cleopatra would have liked what that silly old donkey said of her? (donkey - «осёл», «дурак»).*

*That pill is coming to stay here. (pill - «доктор»).*

*I have life in my body, this dead tree.. (dead tree - «сухое дерево», «иссохшее, старое тело»).*

*What a bloodless ghost of a woman! (ghost - «призрак», «очень бледный человек»).*

*She was the flower of the family. (flower - «цветок», «красавица» (женский пол)).*

Так, английские поэты, описывая внешность красавиц, широко пользовались такими традиционными, постоянными метафорическими эпитетами, как *pearly teeth*, *coral lips*, *ivory neck*, *hair of golden wire*. Этому-то трафарету, разоблачая его фальшь, и противопоставляет Шекспир описание своей возлюбленной в ряде отрицательных сравнений:

*My mistress' eyes arc nothing like the sun,  
Coral is far more red than her lips' red,  
If snow be white, why then her breasts are dun;  
If hairs be wires, black wires grow on her head.  
I have seen roses damask'd, red and white,  
But no such roses see I in her cheeks...*

*(W. Shakespeare. Sonnet CXXX)*

Дж. Лакофф, как представитель когнитивной лингвистики, дает следующее определение метафорического переноса, вводя новую для классической стилистики терминологию: это процесс, предполагающий наличие области источника (*source*) и области цели, или мишени (*target*). В процессе переноса концептуальная структура области источника переносится на соответствующую структуру области мишени (*Лакофф 1990: 181*).

В терминообразовании метафора сохраняет одно из своих основных свойств - принцип языковой экономии, исключительно важный в публицистическом стиле. Именно здесь метафора полностью удовлетворяет

требованию газетного текста - в лаконичном высказывании содержится информативно емкое содержание.

Метафора позволяет мгновенно осознать, схватить мысленно самую суть статьи, проникнуть в ее содержание. Вот несколько терминов-метафор: *infrared slavery, nuclear democracy, noble metal*.

В том числе в газетном тексте выражение гипотетического множества идет с помощью следующих существительных: *army, troop, platoon, crew, crowd, band, gang, choir, chorus, party, swarm, shoal, flock, herd u m.д.*

Символами множества существительные становятся в условиях их семантической транспозиции, ведущей к переходу из конкретных понятий в абстрактные. Такие сдвиги реализуются в определенных лексико-фразеологических формах слова. Кроме значения множества, каждое существительное в семантической транспозиции может вносить различные оттенки эмоциональной окраски (например, положительной или отрицательной оценки, иронии, одобрения, неодобрения и др.), которые изменяются в зависимости от контекста. Построение семантической системы языка обязательно требует тщательного изучения стилистических характеристик метафорических единиц в условиях контекста.

Важнейшими элементами языковой картины мира являются, наряду с функциональными, образными и дискурсивными, номинативные средства языка. Важно отметить при этом, что языковая картина мира, а соответственно и изучаемый ее фрагмент, обладает ярко выраженными национально-культурными характеристиками, так как отражают специфическое видение мира отдельной лингвокультурной общности. Именно в лексической системе языка мы можем наиболее четко проследить эти особенности мировидения.

Таким образом, метафора рассматривается не только как явление лингвистическое, состоящих в переносе наименования с одной сущности на другую, но и в русле когнитивного подхода, демонстрирующие разные мыслительные процессы. Метафора способствует порождению мышления в

котором подразумевает такой взгляд на мир, который использует прежде добытые знания, приводящие к формированию новых смыслов. В этом виде метафора характеризуется, как эффективное средство языковой экономии.

### 2.3.2 Метонимия.

Метонимия рассматривается как основное средство проявления языковой экономии и выражения количества, так как организация языка непосредственно связана с количеством. Это отчетливо проявляется в антропоцентрическом свойстве языка - количественной экономии усилий на всех уровнях.

Метонимия от греческого переводится как «переименование». Метонимию можно рассматривать с одной стороны, как перенос, основанный на смежности, и с другой стороны как средство языковой компрессии, что выявляет способности человека выделять главное в окружающем мире, выбирая при этом наиболее экономный способ выражения намерений. Метонимия усиливает зрительно осязаемые представления, являясь при этом не прямой, а косвенной характеристикой явления.

Рассмотрим пример:

*The ham sandwich is waiting for his check.*

Выражение «*ham sandwich*» используемое выражение ссылается на человека, который заказывал бутерброд с ветчиной.

Рассмотрим нижеприведенные примеры наглядно иллюстрирующие языковую экономии посредством метонимии.

- He likes to read the *Marquis de Sade*. (= the writings of the marquis)
- He's in *dance*. (= the dancing profession)
- *Acrylic* has taken over the art world. (= the use of acrylic paint)
- The *Times* hasn't arrived at the press conference yet. (= the reporter from the *Times*)

- Mrs. Grundy frowns on *blue jeans*. (= the wearing of blue jeans)
- *New windshield wipers* will satisfy him. (= the state of having new wipers) (*Lakoff, Johnson, 2003:30*)

Многие лингвисты писали о том, что метонимия - контекстуальное выражение. Ж. Лакан указывал на то, что метонимия основывается на связи слов (word-to-word connection), в то время как метафора это замена одного слово на другое. (*Lacan, 1997:156*). Отсюда следует, что метонимия основана на фактической смежности, то есть на определенных знаниях. Например:

*Talks between Moscow and Tashkent.*

*Watergate changed the politics.*

В двух примерах отражены знания, в первом примере знание того, столица является символом государства, а также географическое познания. Во втором примере отражаются знания о каком-либо событии, когда вместо него называется место его действия.

Главная функция метонимического выражения - активизировать одну когнитивную категорию, соотнося ее с другой в рамках одной модели, при этом выделить ее саму или субмодель к которой она принадлежит. Рассмотрим примеры:

*We need a couple of strong bodies for our team.*

*There are a lot of good heads in our university.*

*We need new faces around here. (Croft, 1993: 350).*

Во всех трех предложениях речь идет о людях, однако в каждом случае подчеркивается определенный аспект. В первом предложении спортивный контекст высвечивается модель *physical strength*, связанная с категорией *body*. Далее рассматривается в университетском контексте-модель *intelligence*, связанная с категорией *head*. И в последнем примере категория *face* рассматривается в контексте знакомства. Так как именно лицо рассматривается в первую очередь при встрече с незнакомыми людьми.

Что же касается метонимических концептов, то они ведут к концептуализации посредством связей (рефлективных перебросок). Если мы скажем: «*He's got a Picasso in his den*» мы не делаем акцент только на самой работе Пикассо. Мы начинаем рассматривать его концепции искусства, его техники, его роли в истории искусства, и многое другое приходящее на ум связанное с этим художником. Тем самым отражая наши знания с разных ракурсов, что доказывает применение языковой экономии.

Метонимию следует рассматривать как знаковую операцию, в процессе которого один знак получает возможность выступать вместо другого знака. При конверсии мы наблюдаем формулу *toto pro toto*, где одна целостность начинает выступать вместо другой (Кубрякова, 2002: 35). Метонимические переносы часто встречаются при конверсии:

*Let's have a takeaway tonight.*

В данном примере имя существительное *takeaway* образовано от фразового глагола *to take away* в его переносном значении обозначает *покупать готовую еду в ресторане*. В отглагольном имени оно приобретает метонимическое значение: «*еда на вынос*» или «*ресторан, который готовит еду на вынос*»

Рассмотрим еще один пример. В процессе метонимии английского фразового глагола *to pin-up* «прикреплять, вешать на стену» образуется имя существительное со значением «что-либо прикрепляемое к стене». Далее в процессе метафорического осмысления это имя получает более конкретное значение: «*фотография кинозвезды, которую обычно вырезают из журнала и вешают на стену*». После чего проявляется еще одна метонимическая трансформация значения «*популярный человек, портрет которого обычно вешают на стену*»:

*He's becoming the thinkind woman's pin-up.*

Другим типом отношений, выявляемым в метонимии, является отношение части к целому или целого к части. В таких предложениях, как "*You've got a nice fox on*" слово *fox* (целое) употреблено вместо — *мех лисы*

(части). В предложении: *The round game table was so boisterous and happy* речевая метонимия *game table* (люди, сидящие за столом) показывает отношение смежности. То же можно сказать и о предложении:

*Miss Fox's hand trembled she slipped it through Mr. Dombey's arm, and felt herself escorted up the steps, preceded by a cocked hat and a Babylonian collar (Ch. Dickens.)*

Здесь слова *hat* и *collar* обозначают соответственно людей, носящих эти предметы туалета.

Отсюда следует, метонимия употребляется там, где вместо словосочетания выступает слово, а где вместо предложения выступает словосочетание. Метонимия отражает смежность определенных знаний, проявляя тем самым языковую экономию.

### 2.3.3 Аллюзия

Одним из средств языковой экономии является аллюзия. Как отмечается в ряде словарей, аллюзия представляет собой «намек на общеизвестный литературный или исторический факт (ЛЭС); стилистическую фигуру (от фр. *allusion* намек, лат. *alludere* подшучивать, намекать), заключающуюся в соотнесении описываемого или происходящего в действительности с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка. Намек на историческое событие, бытовой и литературный факт, предположительно известный читателю. В настоящее время, данное И.Р. Гальпериным определение аллюзии стало классическим: *allusion is an indirect reference, by word or phrase, to a historical, literary, mythological, biblical fact or to a fact of everyday life made in the course of speaking or writing (Гальперин 1981: 187)*. Исследователь разделяет аллюзии на :

- 1) мифологические;
- 2) религиозные;

3) исторические;

4) литературные

Функционируя в художественном тексте, аллюзии становятся одними из ключевых языковых средств языковой экономии, позволяя в краткой форме выразить весь спектр ассоциаций, связанных с ней.

Рассмотрим механизм языковой экономии, выраженной посредством аллюзии.

Так, в произведении Дж. Элиот “*Silas Marner*” используется фразеологическая единица с компонентом антропоним библейского происхождения:

*Among the members of his church there was one young man, a little older than himself, with whom he had long lived in such close friendship that it was the custom of their Lantern Yard brethren to call them **David and Jonatan***

Для характеристики преданной дружбы персонажей, автор в данном фрагменте текста использует библейские антропонимы Давид и Ионафан (David and Jonatan). Использование этих антропонимов отсылают сознание читателя к легенде о пророке Давиде, лучшим другом которого был Ионафан, сын его врага. Давид и Ионафан заключили завет дружбы между собой и своими потомками и всегда поддерживали свою дружбу (Книга 1-царств, 20). Поэтому в христианской традиции, данные имена стали символами вечной дружбы. Таким образом, посредством использования фразеологической единицы (David and Jonatan) в краткой форме выражается целая цепь ассоциаций (дружба, преданность, неразлучность, нежность), актуализирующих концепт Дружбы. Использование данной ФЕ в значительной степени позволяет сэкономить языковые средства выражения данного концепта.

В произведении Ф. Норриса “*The Octopus*” в краткой и сжатой форме актуализируются фоновые знания религиозного происхождения, связанные с прецедентной ситуацией избиения младенцев:

*A band had been crossing just at the moment of the engine's passage. The pathos of it was beyond expression. It was a slaughter, a massacre of innocents* (Norris, *The Octopus*).

Согласно библейской легенде, царю Иудеи Ироду предсказали, что в Вифлееме родился младенец, который в будущем станет царём. Этим младенцем был Иисус Христос. Ирод испугался, что потеряет трон и приказал убить всех детей младенцев до двух лет в Вифлееме. Используя фразеологическую единицу *a massacre of innocents*, актуализирующую признак **гибель невинных**, автор показывает, что жертвами действий банды, войны, в основном являются ни в чём не повинные люди, что является одним из наибольших катастроф человечества.

Рассмотрим использование аллюзии в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»:

*By God! I long to exert a fraction of Samson's strength, and break the entanglement like tow!* (Bronte, *Jane Eyre*).

В вышеприведенном примере аллюзивное имя Samson является маркированным, так как в отрывке сопровождается маркером like. Согласно библейской Книге Судей (гл. 13–16), Самсон обладал огромной силой, которая заключалась в его волосах. Коварная филистимлянка Далила усыпила его на коленях и велела остричь его волосы. Проснувшись, Самсон понял, что силы покинули его, и не смог противостоять филистимлянам. Он был схвачен, ослеплен, закован в цепи и брошен в тюрьму. В настоящее время, антропоним Самсон является символом мужчины, обладающего огромной физической силой. Автор использует аллюзию *a fraction of Samson's strength* для того, чтобы показать, насколько сложными и серьезными казались проблемы мистеру Рочестеру, что он мечтал обладать силой Самсона, дабы суметь решить их.

*But in his countenance, I saw a change: that looked desperate and brooding – that reminded me of some wronged and fettered wild beast or bird,*

*dangerous to approach in his sullen woe. The caged eagle, whose gold-ringed eyes cruelty has exting uished, might look as looked that sightless Samson.* (Bronte. Jane Eyre).

Как известно, в доме у мистера Рочестера начался пожар, виновницей которого была его безумная жена. Спасая жену, мистер Рочестер потерял кисть правой руки и полностью ослеп. Увидев Рочестера, Джейн Эйр невольно сравнивает его с плененным орлом, чьи глаза были жестоко вырваны, – бедным ослепшим Самсоном. Маркированная аллюзия *as looked that sightless Samson* помогает автору выразить весь драматизм ситуации.

Рассмотрим еще один пример применение аллюзии в художественном тексте:

*“Now then Mrs. B.,” said Sir Henry Clithering encouragingly.*

*Mrs. Bantry, his hostess, looked at him in cold reproof.*

*“I’ve told you before that I will not be called Mrs. B. It’s not dignified.”*

***“Scheherazade, then.”***

*“And even less am I Sche – What’s her name? I never can tell a story properly; ask Arthur if you don’t believe me.” (Christie A.)*

Сэр Генри, видя, что хозяйке неприятно, когда сокращается ее фамилия, решает загладить вину и называет ее Шахерезадой, сказочным персонажем, повествующем сказки небывалой красоты. *“Scheherazade”* имплицитно комплимент, лесть и указывает на скрытые интенции сэра Генри, который хочет добиться от Миссис Бэнтри интересной детективной истории.

Таким образом, аллюзия способствует языковой экономии, выражая в краткой и сжатой форме целый ряд ассоциаций, связанный с прецедентными ситуациями мифологического, религиозного и других содержаний.

В заключение следует отметить, что именно язык является основной формой фиксации и источником знаний о мире. Признанный многочисленными лингвистами тот факт, что именно слово служит

сигналом в мыслительном процессе, отражая элементы объективного мира, порождает тем самым когнитивный процесс восприятия, что в свою очередь формирует результат познавательную и производительную деятельность человека. Поскольку язык и есть средство представления знаний, то на наш взгляд роль метафоры, метонимии и аллюзии, представленного нами как основного источника языковой экономии, выявляет результаты познавательной деятельности у каждого из нас. Следовательно, изучение языковой экономии необходимо в современной лингвистике, выявляя тем самым глубокий интерес к изучению языка, как основного инструмента человеческого познания об окружающем мире.

## Выводы ко второй главе

Развитие языка совершается постоянно и осуществляется на всех уровнях: подвергается различным изменениям звуковая система, меняется морфемный состав слова, претерпевают семантические изменения слова и словосочетания, не остается неизменной и структура предложения. Наиболее заметные и ощутимые трансформации происходят в словарном составе языка, т.е. в лексике, которая в любой период своего развития представляет собой конгломерат процессов, различных по своему характеру и особенностям. Лексический состав языка, как известно, та часть языка, которая отражает все происходящее в жизни говорящего на данном языке коллектива события экономического, политического, культурного и социально - бытового характера. На лексико-семантическом уровне языковой системы языковая экономия реализуется, прежде всего, благодаря полисемии и аббревиации.

Аббревиация является одним из способов словообразования, который приобретает все большую продуктивность в современном английском языке. Несмотря на это, данный способ является одним из наименее изученных. Аббревиатуры, создаваясь на основе существующей номинативной единицы, позволяют в более сжатом и компактном виде передать громоздкие наименования, представляющие собой, развернутые словосочетания, многосложные слова, неудобные для регулярного применения. Сохраняя значение исходного слова или словосочетания, они остаются в стилистическом плане тождественными, в семантическом плане такими же емкими, как и первичные наименования. Сжатию обычно подвержены те слова, которые характеризуются частотностью употребления. Целью создания таких образований выступает экономия в письме и в речи.

Существование самого принципа экономии языковых средств возникает из-за несоответствия объема памяти человека количеству осваиваемой информации. Г. Уоррелл (H. Warrel) в своей книге «Science of Human Behavior» (Warrel, 1962:35) приводит такие данные: 500 самых

употребительных слов английского языка передают более 10 000 значений, причем, чем употребительнее слово, тем более развита система его производных значений. По мнению Никитиной М.В, естественные языки не могут не развивать многозначности своих единиц, так как при их ограниченном числе это позволяет выражать гораздо большее число значений, достигая языковой экономии. Полисемия есть конститутивное свойство естественных языков (*Никитин, 1997:203*).

Полисемия играет большую роль не только в обогащении лексического состава языка, но и является одним из наиболее экономных его пополнений. Поэтому носители языка, перенося в значения в результате сходства, смежности, между предметами и явлениями с помощью метафор, метонимии и аллюзии формирует новое языковое значение на базе уже существующих, наглядно иллюстрируя принцип языковой экономии, что является универсальным способом познания и концептуализации действительного мира.

Таким образом, языковая экономия обусловлена, прежде всего, потребностями самого человека. Человеческий организм, стремится найти те рациональные формы передачи информации, которые отвечали бы требованиям оптимальной коммуникации.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, можно прийти к выводу, что языковая экономия является импульсом, движущей силой развития языка, и изменением в развитии языка, что ведет к более рациональному использованию языковых средств.

Языковая экономия обусловлена, прежде всего, потребностям самого человека. Человеческий организм, стремится найти те рациональные формы передачи информации, которые отвечали бы требованиям оптимальной коммуникации.

Языковая экономия носит универсальный характер, т.е. она выступает в качестве одной из основных причин модификаций во всех уровнях мира. Универсальность данной тенденции находит свое отражение и в том, что она присуща всем уровням языковой системы. Средства ее реализации на каждом из уровней обладают своими специфическими признаками и рассматриваются по отдельности, но результат проявления данной тенденции на разных уровнях всегда один и тот же: это сокращение речевой цепи, что, в свою очередь, ведет к экономии усилий и времени.

Основной сферой реализации языковой экономии по праву можно назвать разговорную речь, именно в речи она находит свое наибольшее применение и распространение. В разговорной речи представлены разного рода языковые единицы, целью которых является сбережение усилий на всех уровнях языковой системы.

Язык в своем развитии стремится избавиться от всего того ненужного груза излишеств, которые затрудняют его функционирование. Причем он может оказаться от них совсем либо же заменить их иными, более простыми, удобными и адекватными средствами выражения, соответствующими современному этапу его развития.

Именно в живом общении язык подвергается тем изменениям, которые в скором будущем приобретут статус нормы в литературном языке, либо, так и не сумев широко распространиться, прекратят свое существование.

Разговорная речь характеризуется меньшей четкостью произношения, возникновением неожиданных словосочетаний, синтаксических конструкций, употребление в основном простых предложений. Во время беседы коммуниканты стремятся за определенное время донести до слушателя как можно больше информации. При этом говорящий, придерживается произвольной, слабо оформленной формы, часто отступает от правил грамматики. Собеседники чаще думают о предмете высказывания, чем о том, какими средствами выразить мысль, стремятся коротко и точно передать ее при помощи вербальных и невербальных средств общения. Во время беседы процесс формирования мысли происходит одновременно с процессом воспроизводства речи. Исходя из этого, можно утверждать, что основными признаками речи являются краткость, сжатость, компактность, лаконичность.

Антиномией данной тенденции является избыточность, проявляющаяся в ненужных повторах, вторичном употреблении или синонимичном дублировании лексем, удвоении аффиксов одного и того же грамматического значения. Экономия преднамеренна, к ней стремятся, ее достижение желательно. А избыточное же не может быть целью, она является вынужденным допущением.

В результате нашего исследования мы выяснили, что языковая система- это целостная структура: все, что имеет место в одной ее части, отражает и в других частях. Как отмечалось выше, языковая экономия находит свое выражение на всех уровнях языка, в особенности на уровне лексики.

На лексико - семантическом уровне языковой системы языковая экономия реализуется прежде всего благодаря:

- Полисемия играет большую роль не только в обогащении лексического состава языка, но и является одним из наиболее экономных его пополнений. Выступая против принципа «одно слово- одно значение, одно значение- одно слово», подчеркивается тот факт, что, обозначая каждое новое понятие отдельным словом, можно привести к чрезмерному увеличению словарного состава языка. Поэтому носители языка, перенося значение в результате сходства, смежности между предметами и явлениями (метафора, метонимия, аллюзия) не только удовлетворяют потребность в наименовании новых реалий путем переосмысления, но и получают возможность избегать количественного увеличения единиц языка.

- Аббревиатуры, создаваясь на основе существующей номинативной единицы, позволяя в более сжатом и компактном виде передать громоздкие наименования, представляющие собой, развернутые словосочетания, многосложные слова, неудобные для регулярного применения. Сохраняя значение исходного слова или словосочетания, они остаются в стилистическом плане тождественными, в семантическом плане такими же емкими, как и первичные наименования. Сжатию обычно подвержены те слова, которые характеризуются частотностью употребления. Целью создания таких образований выступает экономия места в письме и экономия речевых усилий.

Таким образом, основная задача коммуникации – передать максимум информации при минимум затрат. Следовательно, поэтому собеседники стремятся избегать чрезмерной затраты физиологических усилий, всякого рода неудобств, прибегая при этом краткости, бережливости, лаконичности высказывания, что, в свою очередь, ведет к экономии языковых ресурсов.

### Список использованной литературы:

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М. Л.: Наука, 1964.- 105с.
2. Античные теории языка и стиля/ Под ред. О.М. Фрейденберг. М.Л.: Госоцэкономиздат, 1936. 341с.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. - Л.: Просвещение, 1981. - 295с.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - М.: Просвещение, 1990.-301с.
5. Артюнова Н.Д. Речь // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.- 417с.
6. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступ. ст. // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. -М.: Прогресс, 1990. - 512с. С.5-33.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 416с.
8. Балли Ш. Французская стилистика.-М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.- 595с.
9. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики. – Известия РАН. Сер. литературы и языка, том 56, №1, 1996. - С. 11-21
- 10.Бигс К. Слово и значение // Общественные науки за рубежом. - 1983, №6. - С.169-171
- 11.Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.-607с.
- 12.Богородицкий Б.А. Общий курс русской грамматики. - М.-Л.: Госоцэкономиздат. Изд. 5. 1935. - 354с.
- 13.Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963.Т. 1. - 384с.

14. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Болдырев Н. Н. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 18–36.
15. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // ВЯ, 1972, № 1. С. 17-36.
16. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш.шк., 1972.- 616с.
17. Виноградов В.В. Всегда ли система системна // Система и уровни языка. - М., 1969.-590с.
18. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. - М., 1977.
19. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка Текст. / И.Р. Гальперин. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. - 460 с.
20. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994, №4. – с.17-33.
21. Дрезен Э, Цит. по кн.: В поисках всеобщего языка, М.- Л., 1925.- 197с.
22. Елисеева В.В. Лексикология английского языка. - М., 1989 - 143с.
23. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.- 404с.
24. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 126 с.
25. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. — 4-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 352 с.
26. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

- 27.Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. - 200с.
- 28.Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997 – 326с
- 29.Кубрякова, Е.С. Конверсия в современном английском языке / Е.С. Кубрякова, В.А. Гуреев // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. - № 2.
- 30.Кунин, А. В. Английская фразеология/ А. В. Кунин. -М.: Феникс плюс, 2005. -С. 134, 175-187.
- 31.Лещева, Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л.М. Лещева.Минск: МГЛУ, 1996. - 247 с.
- 32.Мартине А. Основы общей лингвистики//Новое в лингвистике. Вып.3 М.: Прогресс, 1963.С. 366-566.
- 33.Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронической фонологии. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 301с.
- 34.Маслова В. А. М 31. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. Мн.: ТетраСистемс, 2004. - 256 с.
- 35.Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
- 36.Матезиус В. О системном грамматическом анализе//Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. 559с.
- 37.Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979.- 152с.
- 38.Михайлов Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи. М.: Высшая школа, 1986. 110с.
- 39.Никитин М.В. Курс лексической семантики. СПб., 1997.- 756 с.
- 40.Общее языкознание. Внутренняя структура языка/Под ред. Б.А. Серебренникова. - М.: Наука, 1972. - 565с.
- 41.Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.- 499с.

42. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Просвещение, 1956. 511с.
43. Поливанов Е.Д. О принципах языковой эволюции//Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376с.
44. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.- 191с.
45. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н. Л. Сухачева. – СПб, 2000.-204 с.
46. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / Под ред. В. В. Пассека. М.: ИЛ, 1956.-242с.
47. Спенсер Г. Основные начала. Киев: Вища школа, 1986. 375с.
48. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
49. Ф де Соссюр . Курс общей лингвистики. М.: Соцэкгиз, 1933. 272с.
50. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – вып. XXIII, с. 52-93
51. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. - 512с.
52. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Cognitive modeling of actual meaning in the field of phraseology // Journal of pragmatics, 25, 1996.
53. Benveniste E. Probleme de Linguistique General. Paris: Gallimard, 1966.356p.
54. Booth, W. Critical Understanding: The Powers and Limits of Pluralism / W. Booth. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – 408 p.
55. Chafe W. Discourse, consciousness and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994.250p.
56. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies //Cognitive linguistics 4, 1993.- 420p.

57. Curtius G. *Philologie und Sprachwissenschaft Antrittsvorlesung gehalten zu Leipzig am 30. Apr. 1862.* Leipzig: Teubner, 1862. 24S.
58. Dean P. Polysemy and cognition // *Lingua* 75, 1988. P. 325 -361p.
59. Fleisch R. *The ABC of style.* - New York, 1966. – 256p.
60. Frei H. *La Grammaire des Fautes.* Paris: Geuthner, 1929. 317p.
61. Gibbs, R.W.Jr. *Researching Metaphor / R.W.Jr Gibbs // Researching and Applying Metaphor* ed. by Lynne Cameron and Graham Low. – Cambridge: CUP, 1999. – P. 29-47.
62. Jespersen O. *A Modern English Grammar on Historical Principles. Part VI. Morphology.* London, 1946,- 570 p.
63. Johnson, M. *The Body of the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason/M.Johnson.* Chicago, 1987.-187p.
64. Jespersen O. *A Modern English Grammar on Historical Principles. Part. Morphology.* London, 1946.
65. Lacan J. *Ecrits. A selection.* NY. London, 1977.-256 p.
66. *Longman Dictionary of Contemporary English.* – Essex: Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
67. Nunberg G. *The pragmatics of reference: doctoral dissertation.* CUNY Graduate Centre, 1978.
68. Passy P. *Etudes sur les Changements Phonetiques et leurs Caracteres Generaux.* Paris: Firmin - Didot, 1891. 270p.
69. Potter S. *Language in the Modern World.* Harmondsworth: Penguin Books, 1960. 312p.
70. Sweet H. *The Sounds of English. An Introduction to Phonetics.* Oxford: Clarendon Press, 1929. 139p.
71. Vallins G.H. *Good English.* London: Pan Books, 1976. 256p.
72. Warrel H. *Science of Human Behavior / H. Warrel.* 1962.-246p.
73. Whitney W.D. *The Life and Growth of Language. An Outline of Linguistic Science.* - NY: Appleton and Company, 1897. - 326p.

74. Zipf G.K. The Psycho-Biology of Language. An Introduction to Dynamic Philology. London: Routledge, 1936. 336p.
75. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The Univ. of Chicago, Univ. Press, 1990. 615 p.
76. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London: University of Chicago Press, 2003. - 276p.

### **Список художественной литературы:**

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Москва.- Изд. Московский Патриархии, 1983
2. Agatha Christie. Complete Short Stories Of Miss Marple.- G.P. Putnam's Sons.: London, 1985.
3. Chandler R. Farewell, My Lovely. N.Y.: Alfred. A. Knopf, 1940.
4. Charlotte Bronte .Jane Eyre.- Penguin classics.: New York, 2006.
5. Dickens Charles . Dombey and Son . – Wordworth.: London, 1960.
6. Frank Norris. The Octopus: A Story of California. Author, Frank Norris. Edition, reprint. Publisher, Kessinger Publishing.: London, 2004.
7. George Eliot .Silas Marner.- Black Cat Publishing.: New York, 1978.
8. Graham Swift. Waterland. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1996.
9. John Galsworthy Indian Summer of a Forsyte. N.Y.: MacCarthy, 1994.
10. Lewis Carroll Barnes. Alice's Adventures in Wonderland. N.Y.: Barnes and Noble Classics, 2004.
11. W. Shakespeare. Sonnets. - The complete works of William Shakespeare Gramercy Book, N.Y, 1990.